

РОССИЯ И ВОСТОК

РОССИЯ И ВОСТОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Россия и Восток

Под ред. С.М. Иванова, Б.Н. Мельниченко

Издательство С.-Петербургского университета
2000

ББК 63.3(0)

Р 76

Авторы: И.В. Базиленко, С.Е. Григорьев, Н.Н. Дьяков, А.Д. Желтяков, С.М. Иванов, Н.Ю. Крайнюк, С.О. Курбанов, Б.Н. Мельниченко, А.В. Попов, Н.А. Самойлов, Т.М. Сипенкова, А.В. Филиппов, Г.С. Харатишвили

Рецензенты: д-р ист. наук Л.А. Березный (С.-Петербург. гос. ун-т), д-р ист. наук Е.И. Кычанов (С.-Петербург. Филиал ин-та Востоковедения РАН)

Россия и Восток: Учеб. пособие / Под ред. С.М. Иванова,
Р 76 **Б.Н. Мельниченко. — СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. —**
456 с.

ISBN 5-288-02758-7

Предлагаемое издание является пособием по истории социокультурных коммуникаций на евразийском пространстве. Книга построена по проблемно-страновому принципу и имеет своей целью осветить историю и многообразие связей российского общества и государства с народами и государствами Востока в эпоху средневековья и нового времени. Вниманию читателей предлагается история мирных взаимодействий России со странами Востока, политических, дипломатических, торгово-экономических, культурных, религиозных связей и отношений, контактов отдельных личностей.

Книга предназначена для студентов высших учебных заведений, занимающихся отечественной историей и историей Востока, а также для всех интересующихся этими вопросами.

ББК 63.3(0)

Издание осуществлено при поддержке Института «Открытое общество»
(Фонд Сороса) Россия.

ISBN 5-288-02758-7

© С.М. Иванов, Б.Н. Мельниченко и др., 2000

© Издательство С.-Петербургского университета, 2000

X. РОССИЯ И ЯПОНИЯ

Первые контакты между Россией и Японией (с. 384). — Русско-японские отношения в XIX веке (с. 395). — Российская Духовная Миссия в Японии (с. 404). — Формирование образа России в Японии (с. 407). — Взаимодействие двух культур (414). — Российско-японские отношения в начале XX века (с. 423).

Первые контакты между Россией и Японией. Стремление русского правительства к установлению контактов и развитию торговых отношений с новыми соседями, вкуче с тягой русского народа к открытию новых земель привело к ряду важных географических открытий в XVI и XVII вв. Шло постепенное освоение огромных и практически незаселенных территорий Сибири. Уже в 1581–1585 гг. русские под предводительством Ермака присоединили к России территорию Сибирского ханства. На повестку дня встало освоение и исследование Восточной Сибири и Дальнего Востока. Именно на это были направлены усилия экспедиций Ивана Москвитина (1639), Василия Пояркова (1643) и Семёна Дежнёва (1648), совершивших несколько великих географических открытий и территориально приблизивших Россию к Японским островам. Русское государство активно утверждалось в качестве азиатско-тихоокеанской державы. Экспедицией С. Дежнёва были открыты Камчатка и пролив, соединяющий Тихий океан с Северным Ледовитым, тогда же участники этой экспедиции узнали от камчадалов о существовании народа айну.

Сведения о Японии приходили в Россию из-за границы, чаще всего, из Китая. Следует отметить, что с самого начала на характер русско-японских отношений значительное воздействие оказала третья сторона - Голландия, остававшаяся с середины XIX века единственным европейским государством, чьим кораблям разрешалось заходить в японский порт Нагасаки. Для японцев долгое время источником информации о других странах, в том числе и о России, были исключительно голландцы. Естественно, что эти сведения тщательно дозировались и интерпретировались в соответствии с интересами голландского правительства. Значительную часть знаний о Японии русские также черпали из голландских источников. Современные японские ученые полагают, что ответственность за неудачи первых попыток завязать дружественные контакты между Россией и Японией в какой-то мере лежит на Голландии, стремившейся сохранить свою монополию на контакты со Страной восходящего солнца.

Первым свидетельством о Японии в русской печатной книге считается глава «О Иапонии или Япон-острове», помещенная в «Космографии 1670 г.». Полный список «Космографии» был завершён 4 января 1670 г. в Холмогорском монастыре, вблизи Архангельска. В качестве источника сведений о стране было использовано описание Петра Монтануса, восходящее к знаменитой книге Марко Поло о его путешествии в Китай. В указанной главе приводились данные о географическом положении Японии, климате, флоре, фауне и природных ресурсах, а также о нравах, обычаях и занятиях ее населения, упоминались отдельные города. Безусловно, текст содержал много неточностей, что было вызвано отсутствием подробной информации о Японии в большинстве европейских стран. Данные, помещенные в «Космографии», вызвали интерес, и русское правительство дало задание представить описание Японии Николаю Спафарию, прибывшему в 1675 г. в Пекин с дипломатической миссией. Таким образом, следующим свидетельством о «Японском острове» стали строки в составленном им «Описании Китайского государства». Сведения о Японии черпались из китайских источников, вероятно, по переводам западных миссионеров-иезуитов, и из сочинений некоторых европейцев. Для описания географического положения Японии Спафарий пользовался картами, как китайскими, так и иезуитскими. Данные, которые он собрал в специальной главе, названной «Описание славного и великого острова Японского и что при нем обретается», представляются более достоверными, чем те, которые до этого были известны Посольскому приказу (*Спафарий Н. Г. Описания первые части вселенные, именуемой Азией, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями. Казань, 1910*).

В конце XVII в. Япония уже была нанесена на русских географических картах С. Полякова (1673), И. Идеса (1695) и С. Ремезова (1699–1700). На «Чертеже вновь Камчадалские земли» С. Ремезова были впервые отмечены Курильские острова.

Примерно через полстолетия после открытия Камчатки этот полуостров был официально присоединен к России Владимиром Атласовым, который привез в Москву японца по имени Дэмбэй, матроса с корабля, потерпевшего кораблекрушение у южного побережья Камчатки. На родину его не могли отправить по двум причинам: во-первых, над всеми японцами, покинувшими пределы родной страны, пусть даже не по своей воле, висела угроза наказания, а во-вторых, путь в Японию в то время еще не был открыт. Первый японец, занесенный в российские воды, был доставлен к царю. Петр I уже тогда заинтересовался Японией (трудно представить, чтобы царь не слышал об этой стране, будучи в Голлан-

дии, которая в то время имела достаточно тесные связи с Японией). Российский государь повелел этому японцу учить солдатских детей японскому языку и интересовался их успехами. В 1710 г. Дэмбэй принял Православие, получив при крещении имя Гавриил. Его помощником в школе японского языка стал японец с аналогичной судьбой — Санима, также потерпевший кораблекрушение и попавший в плен к камчадалам. Из плена его освободил казачий атаман Чириков. Санима женился на русской девушке, а его сын, получивший имя Андрей Богданов, в дальнейшем работал в библиотеке Российской Академии Наук.

В 1734 г. в Петербург были доставлены еще два японца, потерпевшие кораблекрушение на Камчатке — Гондза и Содза.* Они были приняты императрицей Анной Иоанновной. При крещении Гондза и Содза получили имена Демьян Поморцев и Кузьма Шульц. Позже (в 1736 г.) с их помощью при Академии Наук организовали школу японского языка, где они обучали японской грамоте солдатских детей. К преподаванию в ней был привлечен и Андрей Богданов. За первые три года существования школы преподаватели составили несколько учебных пособий и словарей, в которых японские слова записывались русскими буквами, потому что сами составители не знали японской письменности (Гондза покинул родину подростком и даже японские эквиваленты русских слов знал не всегда). Таким образом, именно в России была открыта первая за пределами Японии школа японского языка.

Однако сведений, полученных от этих японцев, было явно недостаточно для составления полного представления об их родине. Интерес к Японии в России подогревался желанием найти нового торгового партнера на Дальнем Востоке, — это была одна из целей участников 2-й камчатской экспедиции во главе с Мартином Шпанбергом, которому было предписано «...ежели возможность допустит, и с японцами торг завести, что не к малой прибыли Российской империи впредь могло оказаться» (*Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1986. С. 26*). Экспедиция М. Шпанберга 16 июня 1739 г. добралась до побережья японского острова Хонсю. Русские моряки встретились с японцами, но объяснить цель своего прихода им не удалось, так как все три айну с острова Хоккайдо, взятые в качестве переводчиков, не знали японского языка.

* Ныне в Японии существует «общество почитателей Гондза», делегация представителей которого в конце августа 1998 г. посетила Санкт-Петербург для встречи с профессором В. Н. Гореглядом.

Из-за непонимания контакт был довольно кратковременным. Русское правительство дало участникам экспедиции предписание избегать каких-либо конфликтов, поэтому, когда М. Шпанберг увидел несколько десятков лодок, собравшихся вокруг его кораблей, он воспринял это как знак опасности и отдал приказ сняться с якоря к немалому удивлению японцев, так как никакой реальной угрозы не существовало.

В Японии сведения о прибытии экспедиции М. Шпанберга можно найти в «Записках об эпохе Гэмбун». По мнению современного японского ученого Накамура Синтаро, в японских рукописях нет упоминаний о товарообмене между русскими и японцами, однако описывается случай, когда некий рыбак Кисабээ обменял табак на игральные карты, принятые японцами за банкноты. Недоразумение выяснилось с помощью голландцев, к которым японцы обратились за консультацией (*Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения... С. 56*).

Начиная с 70-х годов XVIII в., в Японии формируется настороженно-враждебный подход к России. Это связано со скандально известным эпизодом в истории русско-японских контактов — прибытием с Камчатки к берегам Японии русского корабля «Святой Петр» под командованием М. Бениовского и его письмами, обращенными к голландцам, одно из которых содержало информацию об угрозе со стороны России. Этот визит, несмотря на всю его авантюристичность, имел далеко идущие последствия.

Мориц Август Бениовский (Беньовский, Бенёвский) родился в 1741 г. в Венгрии, в семье генерала кавалерии, был отдан в военную службу, участвовал в войне с Пруссией. Затем был вынужден скитаться, так как попал в опалу к австрийскому правительству из-за конфликта с родственниками по поводу имения. В 1767 г. примкнул к польским конфедератам. Будучи полковником Барской конфедерации, сражался против русских войск. Во время одной из вылазок попал в плен к казакам, был отпущен под честное слово, продолжил борьбу, после опять был пленен. В конце концов, он был отправлен в ссылку на Камчатку. Воспользовавшись слабостью гарнизона, Бениовский смог поднять мятеж, захватил корабль и, составив команду из каторжников, вышел в открытое море. Окончательной целью этого путешествия была Европа, но по дороге корабль остановился у берегов Японии, в Осима. Оттуда он и посылал свои письма директору голландской фактории капитану Фейту, а тот, в свою очередь, передавал их японскому правительству. Голландцы в это время стремились убедить японцев в том, что экспансия России угрожает северным районам Японии. Что касается нашумевшего письма Бениовского, содержавшего вымышленную информа-

цию о военной угрозе, со стороны России, то вот отрывок из него, приведенный в книге Вада Харуки: «Имея достоверные известия и испытываемая почтение к Вашей сиятельной стране, Голландии, считаю необходимым довести их этим письмом до Вашего сведения. Если говорить подробнее, то это касается намерения русских в этом году совершить рейд двух галиотов и фрегата с Камчатки к японским берегам, а также, в следующем году напасть на Мацумаэ и острова, лежащие к югу от 41°38' северной широты. Кроме того, для этой цели на лежащих рядом с Камчаткой Курильских островах строится крепость, готовятся боеприпасы, пушки, пакгаузы и тому подобные вещи» (*Вада Харуки. Кайкоку — нитиро коккё косё = Открытие страны: Российско-японские переговоры о государственной границе. Токио, 1991. С. 56*).

Естественно, что после получения такого письма японское правительство обеспокоилось. Особо стоит отметить роль голландцев в этой истории. Помимо того, что, все письма были направлены через них и в их переводе, они сами, активно настраивали Японию против России. Среди современных японских ученых существует даже точка зрения, что письма Бениовского были написаны или, по крайней мере, хорошо отрецензированы голландцами. В частности, такого мнения придерживается Накамура Синтаро. В качестве аргумента он приводит тот факт, что в мемуарах Бениовский (или фон Бенгоро — имя под которым он также известен в японской исторической литературе) приводит только одно из своих писем, достаточно безобидного содержания, с описанием собственных бед и просьбой о помощи. Об остальных даже не упоминается (*Накамура Синтаро. Японцы и русские: Из истории контактов / Пер. с японского В. Я. Салтыкова. М., 1983. С. 59*).

Это утверждение, однако, вряд ли можно считать достаточно обоснованным, так как известно, что мемуары Бениовского отличаются большой фантазией и часто описываемые факты сильно разнятся с реальными событиями.

Японские ученые, изучающие данный вопрос, считают, что инцидент с Бениовским сыграл значительную роль в формировании антирусской политики и становлении негативного образа России в Японии. Однако, скорее всего, в инциденте просто выкристаллизовалось то, что неизбежно должно было произойти. При сильном влиянии голландцев, «распространявших слухи о русской угрозе» (*Тогава Цугуо. Взгляд японцев на Россию. Точка зрения Утимура Кэндзо // Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых / Отв. ред. И. А. Латышев. М., 1986. С. 63*), а также при сложившемся в Японии к тому времени

отношении к иностранцам, у России было мало шансов на установление дружественных отношений с этой страной.

Однако, как это ни парадоксально, визит Бениовского имел и определенные положительные стороны. После получения письма, содержащего ложные сведения, японское правительство стало уделять большое внимание России и многие «рангакуся» («голландоведы» — японские ученые, которые занимались изучением Запада по голландским источникам) начали расспрашивать о ней голландцев.

Как ни старалось бакуфу (правительство Японии того времени) скрыть существование писем, о них вскоре стало известно довольно большому кругу людей — через голландцев и переводчиков. В Японии начали появляться книги посвященные России, как переведенные с голландского, так и написанные самими японцами. Через семь лет после прибытия Бениовского увидел свет перевод глав из книги «Прошлое и нынешнее состояние Русской или Московской империи, включая подробную историю России и других великих княжеств». Позднее отдельные фрагменты этой же книги уже в переводе другого голландоведа были изданы под заголовком «Сокращенная история России» («Росиа хонги ряку») (*Вада Харуки. Представления о России в Японии: учитель, враг, собрат по страданиям // Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. С. 51*).

В 1780 году японскими авторами были выпущены два сочинения, посвященные нашей стране. Первое из них — работа Кудо Хэйсукэ озаглавленная «Сообщения об изучении рыжих айну» («Акаэдзо фусэцуко»). «Кудо Хэйсукэ усматривал со стороны России главным образом торговые цели и отрицал русскую угрозу. Он говорил, что это слух, пущенный голландцами, которые хотели сохранить монополию на торговлю с Японией» (*Тогава Цугуо. Мэйдзи Исин дзэнго-ни окэру нихондзинно Росиакан = Образ России в Японии до и после Мэйдзи Исин // Росиа-то Нихон = Россия и Япония, 2. Токио, 1990. С. 109*).

Другим сочинением был труд Хаяси Сихэй «Военные беседы для морской страны» («Кайкоку хэйдан»), напротив, об опасности русского вторжения. Находясь под влиянием «предостережения Бениовского» Хаяси Сихэй поставил вопрос о создании в Японии военно-морских сил и укреплении побережья береговой артиллерией. В качестве потенциальных врагов он называл китайцев и русских, но последние казались ему опаснее. Визит Бениовского он рассматривал как разведку со стороны России.

Хаяси Сихэй (1738–1793) был специалистом по административным и военным делам периода Эдо. В 1775 г. он узнал от голландских тор-

говцев о «продвижении русских на юг в направлении Японии». Уверившись в необходимости усилить национальную оборону, посвятил себя изучению географии и военных наук. После публикации его книги «Военные беседы для морской страны» он был арестован по обвинению в распространении ложной информации и критики официальной политики. Были конфискованы не только все экземпляры книги, но даже матрицы.

Таким образом к концу XVIII в., в среде японской интеллигенции и кругах, близких к властям, постепенно сформировались два представления о России: первое - как о дружески настроенной стране, ищущей пути к завязыванию мирных, торговых отношений, и второе — как об агрессивной соседней державе, со стороны которой Японии может грозить военное вторжение. При этом второе представление доминировало, и для официальных властей было характерно, в основном, враждебное отношение к русским.

На рубеже XVIII—XIX вв. в японском восприятии России происходят заметные изменения, что можно объяснить качественно новым источником получения сведений о России. В это время в Японии появляются сочинения, созданные при непосредственном участии японцев, побывавших в России и основанные на их рассказах и впечатлениях. Имена этих людей — Дайкокуя Кодаю и Исокити. В Россию они попали следующим образом. 15 января 1783 г. их корабль «Синсё-мару» вышел из Эдо (так в период правления рода Токугава назывался Токио). Попав в шторм и потеряв управление, он в течение семи месяцев блуждал по морю, после чего был прибит к берегу острова Амчитка. За четыре года, проведенные там, из шестнадцати спасшихся членов команды (первоначально их было семнадцать, но один умер еще в море) погибло девять человек. Оставшимся семерым с помощью русских людей удалось перебраться сперва на Камчатку, а затем в Иркутск. К моменту прибытия в Иркутск их осталось всего шестеро.

В Иркутске они познакомились с крупным ученым-естествоиспытателем и исследователем Сибири Кириллом (Эриком) Лаксманом, который принял деятельное участие в их судьбе и постарался получить от них как можно больше сведений о Японии. Настойчивое желание японцев вернуться на родину, энтузиазм К. Лаксмана и его помощь привели Кодаю в Петербург, где он удостоился аудиенции у императрицы Екатерины II. После официального приема Кодаю еще несколько раз бывал во дворце, встречался и беседовал с царицей, рассказывал ей о Японии, показывал привезенную с собой одежду и другие вещи. Кирилл Лаксман предложил отправить посольство в Японию, воспользо-

вавшись в качестве предлога возвращением на родину японских моряков, потерпевших кораблекрушение. Он планировал установить отношения с этой страной, и, в частности, с ее учеными. Из голландских сочинений ему было известно о японском ученом Кацурагава Хосю, которому он отправил с экспедицией письмо и коллекцию лекарственных трав. Екатерина II заинтересовалась этим планом как хорошей возможностью установить торговые отношения с Японией и подписала указ об отправке экспедиции. «Случай возвращения сих японцев в их отечество, — говорилось в указе, — открывает надежду завести с оным торговые связи, тем паче, что никакому Европейскому народу нет столько удобностей, как Российскому, в рассуждении ближайшего по морю расстояния и самого соседства» (*Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения... С. 26*).

Роль Дайкокуя Кодаю оказалась значительной не только в деле распространения знаний о России в Японии, он также активно знакомил русских со своей страной. Коллекция книг, которая была передана им императрице, положила начало созданию японского фонда Академии Наук. Кодаю внес изменения в использовавшуюся в России карту Японии, много рассказывал о своей стране, а его соотечественник и товарищ по несчастью Синдзо, который был крещен и получил имя Николая Петровича Колотыгина, в 1817 г. в Санкт-Петербурге издал книгу «О Японии и японской торговле или новейшее историко-географическое описание японских островов, рассмотренное природным японцем и титулярным советником Н. Колотыгиным».

Книга состоит из 48 небольших разделов (некоторые составлены из двух-трех предложений) и включает в себя описание островов, провинций, важнейших городов, климата, географических особенностей Японии. В ней затронут вопрос о происхождении японского народа, описываются образ правления, законы, науки. Есть и особая статья — «Нравственный характер японцев». Очень любопытно, как автор характеризует своих соотечественников: «Японцы, некоторым образом, должны быть почитаемы умнейшим и образованнейшим народом во всей Азии, ибо во многом превосходят самих китайцев» (*Колотыгин Н. П. О Японии и японской торговле или новейшее историко-географическое описание японских островов, рассмотренное природным японцем титулярным советником Николаем Колотыгиным и изданное Иваном Миллером. СПб., 1811. С. 30*).

Особенно подчеркиваются такие качества, как чувство собственного достоинства, благородство и гордость, тяга к знаниям, трудолюбие, выдержанность и чистоплотность. Интересно, что Н. П. Колотыгин осо-

бо выделяет двойственное отношение японцев к иностранцам: «Они (японцы) уважают другие народы за просвещение; с другой стороны, презирают их, например, голландцев, которые подвергаются унижительным условиям из одного корыстолюбия... Они (японцы) добры, справедливы и честны, но не всегда в отношении к иностранцам» (*Колотыгин Н. П. О Японии... С. 31*). К недостаткам соотечественников автор относит чрезмерную гордость, склонность к мщению и жестокости, а также наклонность к сластолюбию «...которая, однакож, оправдывается климатом и между тем, ограниченнее, нежели у других юго-западных народов, а особливо у китайцев» (*Колотыгин Н. Я. О Японии... С. 31*). Противопоставление японцев и китайцев прослеживается у автора на протяжении всей книги, причем, как правило, японцы при этом сравнении выигрывают. Еще одной любопытной чертой работы является то, что Н. П. Колотыгин, принявший Православие, называет религию японцев суеверием и относит это к недостаткам.

Отдельные главы посвящены отношениям с Голландией и торговле с этой страной. Кроме того, есть статья, где рассматриваются возможность и перспективы российско-японской торговли и приводится перечень товаров, которые можно было бы для этого использовать. В частности, в качестве предметов, которые можно вывозить из Сибири, названы: «выделанные кожи ... меха; железо и железные изделия ... стеклянная посуда, воск, квасцы, агаты и другие граненые камни, скипидар, лекарственные припасы, дорогие пушные товары, как то соболи, бобры и прочее... Из Японии можно было бы вывозить в Россию: сарачинское пшено, камфору, чай, медь, драгоценные металлы, шелк, хлопчатую бумагу, фарфор, лакированные вещи, жемчуг и т. д.» (*Колотыгин Н. П. О Японии... С. 71*).

Как и произведения, написанные со слов Дайкокуя Кодаю в Японии, сочинение Н. П. Колотыгина было первым трудом о Японии в нашей стране, созданным без привлечения иностранных источников или переводов, — с той только разницей, что Дайкокуя Кодаю передавал соотечественникам свой взгляд на Россию как иностранец, в то время как Н. П. Колотыгин рассказывал русским о своей родной стране.

В 1792 г. к берегам Японии прибыла первая русская миссия во главе с Адамом Лаксманом (сыном К. Лаксмана). Японские власти столкнулись с очень сложной ситуацией, так как согласно установленной традиции, иностранные суда, за исключением голландских, не допускались в порты Японии. По конфуцианским представлениям в трудном положении следовало искать исторические прецеденты. И прецедент был найден: в 1727 г. король Камбоджи прислал подарки сёгуну и пред-

лагал начать торговлю. Тогда подарки были отвергнуты, однако камбоджийцам разрешили посетить порт Нагасаки. На этом основании русскому кораблю также было позволено посетить Нагасаки, но за его командой установили строгий контроль.

Кодаю и Исокити были переданы чиновникам бакуфу. Их сразу же постарались изолировать от общения с кем бы то ни было кроме нескольких специально назначенных людей, которые должны были обо всем их расспросить. Кодаю и Исокити — только они из семнадцати человек команды «Синсё-мару» выжили и вернулись домой — были допрошены в присутствии сёгуна Токугава Изнари. Все отзывы Кодаю о России носили благожелательный характер, он с большой теплотой рассказывал об отношении к нему русских людей и подчеркивал, что Россия не намерена навязывать Японии силой свое стремление торговать с ней. Сведения, полученные от него, были первыми свидетельствами самих японцев, которые прожили в России несколько лет. Однако, хотя все, что он говорил, было записано и проверено по голландским источникам, информацию эту по мере возможности старались держать в тайне. Враждебный настрой по отношению к России мешал объективно воспринимать то, что поведал Кодаю. Позиция сёгунского правительства носила предвзятый характер, что особенно было заметно по тем вопросам, которые задавались Кодаю и его товарищу во время допроса. Казалось, что сёгун не столько хотел узнать что-либо о России, сколько желал продемонстрировать свои знания об этой стране. После обстоятельных бесед с Кодаю и Исокити и сопоставления их сведений с данными голландских и китайских источников известный астролог, историк и медик Кацурагава Хосю написал книгу «Хокуса Монряку» («Краткие вести о скитаниях в северных водах»), где были сформулированы основные японские представления о России.

Любопытно, что русский бриг «Екатерина», его команда и сам командир А. Лаксман послужили для японцев источником сведений о России и Западе. Чиновники внимательно приглядывались к русским, знакомились с приборами и книгами, которые были на корабле. В результате переговоров А. Лаксман получил от японского правительства разрешение на заход в порт Нагасаки одного судна, однако Россия в силу ряда внешнеполитических обстоятельств не смогла в ближайшее время этим воспользоваться.

Следует отметить, что в России XVIII в. наблюдались как всплески, так и падение интереса к Японии: после экспедиции М. Шпанберга и очередной неудачной попытки завязать отношения, этот интерес почти угас и оживился снова только после появления Дайкокуя Кодаю.

В России, как впрочем и в Европе, Японию считали очень богатой страной — не последнюю роль здесь сыграло описание Марко Поло и его упоминание о том, что «золота... у них великое обилие: чрезвычайно много его тут, и не вывозят его отсюда: с материка ни купцы, да и никто не приходит сюда» (*Путешествие Марко Поло / Пер. старофранцузского текста И. П. Минаева. СПб., 1902. С. 126*).

Подобное мнение усугублялось распространением в России через голландцев красивых японских изделий, которые пользовались очень большим успехом. Императорские резиденции и дворцы российской знати украшались замечательными произведениями японского искусства. Отсюда и желание завязать торговые контакты, — тем более обидно, что такая возможность была упущена.

Следует, однако, отметить, что представление о японских товарах и искусстве этой страны было сильно искажено. В Россию, как и в другие страны Европы, предметы японского искусства (такие, как фарфор, лаковые изделия, панно и др.) попадали в результате торговли с голландскими купцами. Часто это были вещи не истинно японские, а выполненные японскими мастерами по рисункам и чертежам европейских авторов. Кроме того и сами западные мастера изготавливали предметы в японском стиле. Сперва они точно следовали восточному образцу, но постепенно отходили от него все дальше и дальше, перекраивая вещи в соответствии со вкусами потребителя. Редкостной красоты китайский и японский фарфор был очень моден в Европе, а увеличение спроса в середине XVII в. вызвало появление многочисленных подражаний, продолжавших существовать и совершенствоваться в течение всего последующего столетия. Подтверждение этому можно найти и в «Кратких вестях о скитаниях в северных водах», где Кацурагава Хосю отмечает, что в России «очень ценится наш лак. Такие изделия, как насидзи или макиэ* ценятся так же высоко, как жемчуг или драгоценные камни. (Один) любитель (редкостей), генерал-поручик Строганов, показал Кодаю поднос из черного лака, утверждая, что поднос сделан в Японии, и попросил оценить его. (Он) говорил, что приобрел его за большую цену у одного голландца, и так берег и лелеял его, как будто бы это была величайшая драгоценность. Взглянув (на поднос, Кодаю) увидел, что работа очень неискusstная и что сделан (он) совсем не в Японии. Однако, поскольку (генерал-поручик) так ценил его, (Кодаю) не смог прямо воз-

* **Макиэ** — термин для обозначения лакированных изделий, выполненных с применением порошка или металлических опилок, обычно из серебра или золота. Порошок наносится на лакированную поверхность на влажный лак. **Насидзи** — один из видов макиэ.

ражать ему и сказал, что, пожалуй, (лак) действительно японский. После этого (тог) стал еще выше ценить (эту вещицу)» (*Кацурагава Хосю. Краткие вести о скитаниях в северных водах / Пер. с яп., коммент. и прим. В. М. Константинова. М., 1978. С. 222*).

Прибытие в Россию Дайкокуя Кодая, экспедиция Адама Лаксмана (1792—1793), появление в двух странах новых источников сведений друг о друге, подогревали взаимный интерес и давали стимул к расширению знаний, постепенно подводя представителей обоих народов к следующей ступени восприятия — попыткам адекватно оценить своего соседа, для чего требовался активный сбор новой информации.

Русско-японские отношения в XIX веке. Следующим этапом развития русско-японских контактов стало кругосветное плавание российских кораблей «Надежда» и «Нева» под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, основной целью которого была доставка в Японию посольства Н. П. Резанова, возглавлявшего в то время Российско-американскую компанию и поэтому заинтересованного в товарообмене между русскими владениями в Америке и Японией. Н. П. Резанову предписывалось убедить японские власти предоставить русским возможность направлять в Нагасаки не одно, а несколько судов, объяснив им преимущества непосредственной торговли между обеими странами, в частности вывоза из России рыбы, моржовой кости и других товаров, которые от другого «народа столь выгодно не получают». Если бы это предложение отклонили, Н. П. Резанов должен был добиться разрешения на обмен товаров между Россией и Японией при посредничестве айну с островов Уруп и Сахалин. Ему поручалось также собрать дополнительные сведения об устье Амура, Сахалине, об отношениях Японии с Китаем и Кореей, посетить острова Рюкю и договориться с их правителями о торговле.

26 июля 1803 г. корабли отправились в путь. Ровно через год и два месяца «Надежда», расставшаяся к тому моменту с «Невой», прибыла к берегам Японии и вошла в залив Нагасаки. В то время японцы уже знали о предстоящем прибытии посольства от голландцев и дружелюбия не проявляли. Тем не менее, японские чиновники посетили корабль, тщательно осмотрели его, расспросили обо всем русских моряков и записали ответы. Простояв более полугода в порту Нагасаки и получив отрицательный ответ японской стороны на все свои предложения, который заканчивался словами: «Не тратьте напрасно усилий и расходов, приходя с этим вновь! Отплывайте немедленно!», Н. П. Резанов был вынужден отправиться обратно. Во время пребывания в Нагасаки русского

посольства продолжился взаимный сбор информации — круг взаимных представлений расширился.

Следующим важным эпизодом в истории русско-японских отношений, который повлиял на взаимовосприятие двух стран и расширил знания обоих народов друг о друге, был инцидент с В. М. Головниным, который попал в плен к японцам и пробыл там несколько лет, после чего издал в России книгу «Записки флота капитана В. М. Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе» (Ч. 1–3. СПб., 1885).

Целью плавания В. М. Головнина было описание Курильских островов. Его первая встреча с японцами произошла на острове Итуруп. К моменту прибытия туда его корабля у японцев не было оснований доверять русским — скорее, наоборот, были причины бояться их прихода в связи с событиями, произошедшими несколькими годами ранее. После плавания к берегам Японии посольства Н. П. Резанова, когда русским кораблям запретили приходить в эту страну, а японцев, занесенных на наши земли, велели возвращать только через голландцев, на японцев было дважды совершено нападение русских кораблей «Юнона» и «Авось» под начальством лейтенанта Н. А. Хвостова и мичмана Г. И. Давыдова. Их действия не были санкционированы российским правительством, власти о них даже не знали. Когда об этих происшествиях стало известно в Петербурге, виновные понесли наказание: Хвостов и Давыдов были преданы суду и отправлены на войну со Швецией. Однако впечатление, произведенное на японцев, было особо неблагоприятным даже ввиду незнания о том, что нападение произошло без ведома российского императора. Поэтому, когда В. М. Головнин столкнулся на острове Итуруп с японцами, у последних не было никаких оснований доверять его утверждениям, что он прибыл к ним исключительно с мирными намерениями и «хорошим умом». В ответ на уверения В. М. Головнина в непричастности российского правительства к предыдущим налетам, японский чиновник пожаловался: «русские суда два раза нападали на японские селения, и все, что в них нашли, то увезли с собою или сожгли, не пощадив даже ни храмов, ни домов, ни съестных припасов, а как пшено, главная и единственная их пища, привозится на остров из Японии, нападение же на них было сделано поздно осенью, когда суда их в море не ходят и нового запаса привезти не могли, а другое рано весною, прежде, нежели пришли суда, притом и их жилища были выжжены, и потому японцы вынуждены были много претерпеть от голоду и холоду, до того даже, что многие лишились жизни,

следовательно, невозможно, чтобы японцы, видя русское судно столь близко у берегов своих, были покойны и не боялись» (*Головнин В. М. Записки флота капитана Василия Михайловича Головнина... С. 22*).

После ухода с острова Итуруп шлюп В. М. Головнина прибыл в гавань на острове Кунашир. Там российские офицеры несколько раз встречались с японскими чиновниками, постоянно подтверждая мирный характер своих намерений и отрицая желание завязать торговлю. Из-за неточности в переводе чиновники на острове Итуруп решили, что русские желают торговать с ними, в то время как В. М. Головнин хотел лишь купить у них рис, пресную воду и рыбу. Разговор велся через двух переводчиков — японца, знавшего язык курильских айну и курильца, умевшего говорить по-русски. В языке курильцев не было слов «деньги» и «покупать», а только «торговать» и «менять» (*Головнин В. М. Записки флота капитана Василия Михайловича Головнина... С. 60*). Данное несоответствие было обнаружено в письме итурупских японцев, которое сами русские офицеры передали начальнику крепости на острове Кунашир. Естественно, что этот факт вызвал подозрения в искренности русской стороны. Во время очередной встречи русские офицеры были приглашены в крепость и вероломно захвачены в плен. Японцы получили приказ доставить их в Хакодате, что и было исполнено.

По пути, как писал В. М. Головнин (*Головнин В. М. Записки флота капитана Василия Михайловича Головнина... С. 75*), японцы обращались со своими пленниками с одной стороны, жестоко и без всякого снисхождения (веревки причиняли им сильную боль, но, несмотря на их стоны и просьбы ослабить узлы, японцы их не развязали и нисколько им не сочувствовали, и, напротив, даже смеялись). С другой стороны, они были очень предупредительны к русским — кормили и поили вдоволь, со своих рук, а если русские изъявляли желание, несли их на носилках (впрочем, это случалось нечасто, так как из-за пут это причиняло еще большие страдания, чем ходьба). Люди, попадавшие на пути процессии, жалели пленников, подкармливали их и старались с ними побеседовать. Впрочем, и сами конвоиры с интересом расспрашивали русских обо всем, а позже, когда у тех были развязаны руки, просили написать русские слова, алфавит или нарисовать корабли. Благодаря этому складывалось впечатление, что японцы люди добрые и мягкосердечные, но в выполнении долга ни на шаг не отступают от предписанных правил. Поскольку русские не были ограничены в общении со встреченными японцами и, по ходу своего пути, охотно беседовали со многими и рассказывали о России, они, без сомнения, явились для японцев важным источником сведений о русском государстве. Сперва В. М. Головнин и

его спутники были настроены очень негативно по отношению к японцам, но потом переменяли свою позицию, так как решили, что для лучшего знакомства друг с другом необходимо доброжелательное отношение, стремление поделиться знаниями. Такой конструктивный подход в сложившихся обстоятельствах, благородство и достойное поведение пленников (что особенно ценилось японцами) снискали им известность в Японии и изменили общее отношение к русским в благоприятную сторону.

Во время пребывания русских моряков в плену помощник В. М. Головнина капитан-лейтенант П. И. Рикорд обратился к императору с просьбой принять меры по освобождению пленников. Александр I приказал ассигновать средства и послать с этой целью судно. 3 августа 1812 г. на Кунашир шлюпом «Диана» были доставлены семь японцев. Через одного из них — Городзи японское правительство было поставлено в известность о намерении России обменять японцев на русских моряков. Однако освобождение их состоялось годом позже — не последнюю роль в этом сыграл Такадая Кахэй, который, в свою очередь, был задержан П. И. Рикордом и доставлен в Петропавловск. При расставании с русскими губернатор Мацумаэ передал В. М. Головнину письмо, содержание которого сводилось к тому, что, поскольку русским теперь известны законы Японии, запрещающие торговлю с иностранцами, они не должны больше приходить к японским берегам с этими целями.

По возвращении в Россию В. М. Головнин издал книгу о своих приключениях в плену у японцев, которая была переведена на европейские языки. В 1821 г. Баба Садзюро приступил к переводу этой книги с голландского на японский. Завершен перевод был другим человеком в 1825 г. и в том же году издан под названием «Рассказы о несчастьях во время нахождения в Японии».

Книга В. М. Головнина состоит из трех частей. Первая и вторая представляют собой описание злоключений, которые автор пережил в японском плену. Написаны эти две части без деления на главы, сплошным текстом — как художественное произведение; однако там имеются примечания, в которых подробно описываются различные предметы японского быта, обычаи, обряды и т. п. Третья часть книги составлена как справочник и содержит девять разделов, включающих в себя сведения о географии Японии, происхождении японцев, национальном характере, вероисповедании, законах и обычаях, государственном управлении, торговле, промышленности и т. д. Данный труд стал важным источником знаний о Японии для русских читателей, ибо он явился пер-

вым сочинением отечественного автора, основывавшимся на личных впечатлениях. Публикация книги В. М. Головнина вместе с материалами допросов плененных русских моряков в Японии доказывает, что «закрытая» страна начала постепенно открываться для восприятия окружающего мира, для контактов с другими народами.

Забегая вперед, необходимо отметить важную роль в расширении и обогащении образа Японии еще одной работы, изданной в России почти столетия спустя. Это произведение «Фрегат “Паллада”», написанное И. А. Гончаровым, который исполнял обязанности секретаря и находился на борту корабля во время плавания в Японию 3-го российского посольства, возглавлявшегося вице-адмиралом Евфимием Васильевичем Путятиным. Особая ценность работы состоит в том, что автор ее — профессиональный литератор, талантливый и на момент издания книги уже приобретший широкое признание публики писатель. Кроме того, автор с самого начала имел цель подробно описать интересующие страны для ознакомления с ними большой читательской аудитории. Следует отметить, что эта задача была полностью выполнена — еще при жизни И. А. Гончарова произведение выдержало три издания и продолжает переиздаваться до сих пор.

В середине XIX в. международная обстановка вынудила Россию направить в Японию еще одно посольство. Назрела насущная необходимость осуществить пограничное размежевание на Дальнем Востоке. Установление дипломатических и торговых связей с Японией, по мнению российского правительства, должно было привести к укреплению позиций России в Тихоокеанском регионе. Кроме того, учитывались намерения США и европейских держав открыть порты Японии, что могло создать угрозу для российского Дальнего Востока.

Особый комитет, созданный специально для решения вопросов связанных с интересами России на Дальнем Востоке, рекомендовал правительству отправить экспедицию в Китай и Японию под начальством вице-адмирала Е. В. Путятина. Целью отправки посольства в Японию являлось заключение торгового договора, при этом главе экспедиции было предписано действовать исключительно мирными средствами, во всем сообразуясь с желаниями японской стороны. Е. В. Путятину было вручено письмо Николая I для передачи японскому императору. В этом письме подчеркивался дружественный характер намерений русских, и содержалась просьба об открытии японских портов для захода российских торговых судов.

7 октября 1852 г., выйдя из Кронштадта, фрегат «Паллада» направился к берегам Великобритании, где его поставили на ремонт, и, кроме

того, приступили к перестройке и переоснастке закупленной ранее шхуны «Восток». Вскоре после отхода из Портсмута Е. В. Путятин узнал, что американский коммодор М. Перри на корабле «Миссисипи» уже покинул Норфолк и направляется к берегам Японии, где соберется 15 американских судов. Разумеется, это известие не могло не обеспокоить русских. Американское правительство, в свою очередь, было крайне недовольно, узнав об отправке русской экспедиции, и направило ноту Министерству иностранных дел России. Кроме того, посольство Е. В. Путятина представлялось большой помехой для Голландии, которая потерпела неудачу при попытке открыть новые японские порты. Ввиду усложнения ситуации русское правительство пересмотрело текст официальных посланий и теперь в них описывалась современная политическая обстановка, объяснялись интересы европейских держав на Дальнем Востоке и подчеркивались выгоды установления мирных отношений и определения границ России и Японии. Николай I также утвердил проект будущего договора двух стран. Все эти документы были отправлены со специальными курьерами Е. В. Путятину, с тем, чтобы последний получил их до прибытия в Японию.

Тем временем американская эскадра достигла берегов Японии. Убедившись в слабости японской обороны, М. Перри в ультимативной форме потребовал открытия портов. В случае отказа он пригрозил вернуться в следующем году с большим числом кораблей. Японская сторона осознала, что американцы готовы на все и не остановятся перед вооруженным вмешательством. Своими действиями М. Перри добился того, что 19 марта 1854 г. в Канагава был заключен японо-американский договор о мире и дружбе, ставший первым в целой череде неравноправных договоров Японии с западными державами.

Русский посланник Е. В. Путятин оказался гораздо тактичнее и дипломатичнее своего американского коллеги. Он с большим уважением относился к обычаям Японии и соблюдал все необходимые формальности, что сыграло положительную роль во время длительных переговоров и при заключении Симодского трактата. Русским удалось добиться расположения японской стороны и наибольшего благоприятствования для заключения договора, но в связи с началом Крымской войны подписание его задержалось.

26 января (7 февраля) 1855 г. Е. В. Путятин и японские уполномоченные Цуцуи и Кавадзи подписали в храме Гёкусэндзи в Симода договор о торговле и границе. Согласно тексту этого договора между Россией и Японией устанавливались «постоянный мир и вечная дружба». Подданные одной стороны должны были пользоваться покровительст-

вом и защитой официальных властей на территории другой стороны, им гарантировались неприкосновенность собственности и личная безопасность. Граница в районе Курил устанавливалась между островами Уруп и Итуруп, а Сахалин признавался «неразделенным». Японское правительство открывало для захода русских судов порты Хакодатэ, Нагасаки и Симода, в которых допускало осуществление торговых сделок, правда, в ограниченных размерах и под контролем чиновников. Как русские, так и японские подданные приобрели право экстерриториальности. Между Россией и Японией устанавливались дипломатические отношения и с 1856 г. разрешалось пребывание русского консула в одном из открытых портов. Японская сторона не возражала также против включения в трактат статьи о предоставлении России режима наибольшего благоприятствования, поскольку такое обязательство было дано российской делегации еще во время переговоров в Нагасаки.

Подводя итог, следует отметить, что в целом миссия Е. В. Путятина и поведение русских моряков отражали миролюбивый характер российской политики в отношении Японии, а Симодский трактат закладывал основу дружественных отношений между двумя странами.

7 (19) августа 1856 г. в Эдо был подписан российско-японский договор о торговле и дружбе, согласно которому стороны обязались обмениваться постоянными дипломатическими представителями и генеральными консулами. Торговля между русскими и японцами должна была осуществляться совершенно свободно, власти не должны были вмешиваться в нее и чинить какие-либо препятствия.

В 1858 г. в Хакодатэ открылось российское консульство. Первым консулом был назначен Иосиф Антонович Гошкевич (1814–1875). В течение 10 лет он находился в составе Российской Духовной Миссии в Пекине, где овладел несколькими восточными языками: китайским, маньчжурским, монгольским, корейским. Затем он был приглашен для работы в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Японский язык он начал изучать во время плавания на фрегате «Паллада», когда сопровождал экспедицию Е. В. Путятина в качестве переводчика и советника. Во время плавания он подружился с И. А. Гончаровым. И. А. Гошкевич был очень образованным человеком, живо интересовался всеми сторонами японской жизни. Собранный им коллекция японских ксилографов и старопечатных книг насчитывает 1346 экземпляров.

Консульство развернуло широкую деятельность по распространению русской культуры в Японии. При консульстве было организовано обучение местного населения русскому языку. Этим занимались и

раньше, используя для этой цели русских моряков, занесенных к берегам Японии, но с начала 60-х годов преподавание стало постоянным и систематическим. В 1865 г. на учебу в Россию была направлена группа из шести молодых людей, рекомендованных И. А. Гошкевичем. Стажировка была рассчитана на пять лет, но из-за бурных событий, которые развернулись в Японии и привели к падению бакуфу в 1867—1868 гг., пятерым учащимся пришлось вернуться. Просветительская деятельность работников консульства вместе с усилиями Православной миссии снискали русским популярность, жители Хоккайдо симпатизировали им. Большой вклад в дело сближения двух народов внес сам первый консул. Имя И. А. Гошкевича, более ста лет назад закладывавшего основы взаимопонимания русского и японского народов, увековечено на географических картах мира: в его честь назван залив в Японском море.

В 1862 г. произошло очень важное событие в истории российско-японских отношений — в Петербург прибыло первое японское посольство во главе с Такэноути Симоцукэ-но-ками. Впервые в истории сёгунское правительство направило в европейские страны представительную делегацию, включавшую 38 человек. Маршрут этой миссии пролегал через Гонконг, Сингапур, Цейлон, Аден, Суэц, Александрию и Средиземное море. Делегация посетила пять европейских столиц: Париж, Лондон, Гаагу, Берлин и Петербург.

Российское правительство, оценив историческое значение данного визита, организовало японскому посольству торжественную встречу. По личному приказу шефа российского флота великого князя Константина Николаевича русский корабль «Смелый» 24 июля 1862 г. в Свинемюнде (Восточная Пруссия) принял на борт членов японской делегации. Весь путь до Кронштадта с ними проделали высокопоставленные российские сановники. 28 июля на кронштадтском рейде посольство пересело на придворный пароход «Светлана», который пришвартовался у причала на столичной Английской набережной. Прямо к трапу для Такэноути была подана золоченая карета. Высокого гостя приветствовали кавалерийский эскадрон и рота пехоты.

Члены японской делегации встречались и беседовали с петербургским генерал-губернатором А. А. Суворовым (внуком великого русского полководца), вице-канцлером и министром иностранных дел А. М. Горчаковым, директором Азиатского департамента МИДа графом Н. П. Игнатьевым. Кульминацией визита стала аудиенция у государя-императора в Зимнем дворце, проходившая 2 августа. В приветственном слове Александр II подчеркнул дружественный характер отношений, установившихся между Россией и Японией и выразил надежду на их

развитие и упрочение. Члены японской миссии также выразили удовлетворение своего правительства сложившимися отношениями.

Прибытие японского посольства в Петербург и прием, оказанный ему в России, свидетельствовали о начале нового типа взаимоотношений двух стран. Наметился процесс постепенного освобождения от старых стереотипов. И хотя к конкретным результатам переговоры не привели, знакомство с жизнью российской столицы оказалось очень полезным для японцев. Члены делегации посещали театры, музеи, рестораны, магазины. Их поразили коллекции Эрмитажа. В Петербурге произошло их знакомство с «конкой», японцы очень интересовались железнодорожным строительством в России и ролью открытого в Петербурге Института путей сообщения.

Второе японское посольство во главе с Коидэ Ямато-но-ками (бывшим губернатором Хакодате) и Суруга-но-ками (инспектором Исикава) прибыло в Петербург 5 января 1867 г. Русскую сторону на переговорах представлял новый директор Азиатского департамента П. Н. Стремоухов. В итоге 18 марта было подписано временное соглашение о совместном владении Сахалином. Подчеркивалось, что русские и японцы должны поддерживать исключительно мирные отношения и разрешать возможные споры и конфликты путем переговоров.

1867 году суждено было стать переломным в истории Японии. После длительной гражданской войны, в ходе которой Россия занимала подчеркнuto нейтральную позицию, пала власть сёгунов из дома Токугава. Вся полнота власти перешла к императору Муцухито, правившему под девизом Мэйдзи («Просвещенное правление»). Началась новая эпоха в жизни Японии, вошедшая в историю под названием «эпоха Мэйдзи» или «преобразования Мэйдзи» (1867–1912).

В феврале 1874 г. чрезвычайным и полномочным посланником в России был назначен Эномото Такзаки. Ему были даны инструкции нового японского правительства по ведению переговоров с Россией о статусе Сахалина. Российская дипломатия, опасаясь ухудшения международной обстановки в Европе и на Ближнем Востоке, не сумела проявить гибкости и дальновидности в ходе этих важных переговоров. В итоге был подписан договор 1875 г., по которому Россия уступала Японии Курильские острова в обмен на ее отказ от претензий на Сахалин. Граница между двумя государствами устанавливалась по проливу между мысом Лопатка на Камчатке и островом Шумшу.

В 80–90-х годах XIX в. отношения между Россией и Японией развивались достаточно стабильно. В 1889 г. между ними был подписан торговый договор. Однако случались эпизоды, омрачавшие спокойный

характер российско-японских взаимоотношений. Активизировавшиеся в Японии националистические элементы в 1890 г. забросали камнями русского посланника Д. Е. Шевича и его жену. А в 1891 г. полицейский по имени Цуда ударил саблей по голове путешествовавшего по Японии наследника российского престола Николая Александровича (будущего царя Николая II). По счастливой случайности ранение оказалось незначительным.

Положение в сфере межгосударственных отношений в корне изменилось, когда в 1895 г. Россия совместно с Францией и Германией приняла дипломатический демарш, потребовав от Японии отказаться от претензий на Ляодунский полуостров, на который, одержав победу в войне с Китаем претендовали японцы. С этого момента начался период конфронтации между Россией и Японией на Дальнем Востоке.

Российская Духовная Миссия в Японии. Важнейшую роль в деле развития духовных контактов между Россией и Японией и в диалоге русской православной и традиционной японской культур сыграла Российская Духовная Миссия. Ее основателем и духовным отцом стал святитель Николай Японский (в миру Иван Дмитриевич Касаткин, 1836–1912). Выпускник Санкт-Петербургской Духовной Академии Иван Касаткин, принявший монашеский постриг, счел своим призванием миссионерскую деятельность. Ректор Академии епископ Нектарий, напутствуя своего воспитанника по его пострижении в иноческий чин 24 июня 1860 г. сказал поистине пророческие слова: «С крестом подвижника ты должен взять посох странника; вместе с подвигами монашества тебе надлежат труды апостольские». И этот наказ был исполнен иноком Николаем с честью, недаром его сегодня называют Апостолом Японии.

Незадолго до приезда отца Николая в Хакодате, консульство построило там православную церковь. Вначале она предназначалась для сотрудников консульства и русских моряков, но благодаря усилиям отца Николая, после его прибытия летом 1861 г., вокруг нее постепенно сложилась община, состоявшая из японцев. В 1868 г. принял Православие японец Савабэ (служитель синтоистского культа), нареченный Павлом. В том же году по его примеру крестился лекарь Сакаи (Иоанн) из Хакодате, третьим пришел к Православию Урано (Яков). Все они в дальнейшем сыграли большую роль в становлении Православной церкви в Японии.

Распространение Православия в Японии вызывало необходимость расширения миссионерской деятельности. 14 января 1870 г. последовало решение Святейшего Синода об открытии в пределах Японии Православной Духовной Миссии, были утверждены рекомендованные отцом

Николаем штат и суммы на ее содержание. В Токио на условиях бес-срочной аренды был приобретен участок, земли для застройки. В 1873 г. там началось строительство большого дома для Миссии с домовою церковью (в дальнейшем японцы называли его «домом Николая»). Средства на строительство в основном были собраны Е. В. Путятиным. А его дочь Ольга Ефимовна на свои деньги и средства графини Орловой-Давыдовой построила дом для женской духовной школы на сто учениц. После снятия запрета на исповедание христианства в 1873 г. в Токио было основано Православное общество.

В Петербурге с большим вниманием относились к проповеднической деятельности отца Николая. После Рождества 1873 г. митрополит Санкт-Петербургский Исидор выдал соборную книгу священнику Благовещенской церкви на Васильевском острове отцу Иоанну Дёмкину для записи добровольных пожертвований от столичных церквей и духовенства, а также от частных лиц на устройство церквей и школ в Японии и на призрение бедных крещеных и готовящихся к принятию Святого крещения японцев. Этот храм не случайно был избран местом для подобной миссии, ибо именно там принял Православие первый японец — Татибана Косай (о нем см. ниже).

Отец Николай в совершенстве овладел японским языком и взялся за перевод богослужебных книг. Ему принадлежит труд перевода на японский язык Священного Писания. По его инициативе в Японии стали выпускаться православные периодические издания, была создана Православная Духовная Семинария (в 1882 г. состоялся ее первый выпуск). Из числа выпускников этой семинарии в дальнейшем вышли многие переводчики русской литературы. Сыграла она свою роль и в деле подготовки переводчиков-японистов. В отличие от западных христианских миссионеров, Российская Духовная Миссия не вмешивалась во внутренние дела Японии. В 1880 г. отец Николай был возведен в сан епископа.

Известен святитель Николай не только как выдающийся, проповедник, но и как один из первых русских ученых-японоведов. В 60-х годах XIX в. в «Московских ведомостях» печатались написанные им «Письма из Японии», знакомившие российских читателей с реальной жизнью этой еще мало известной страны. Его работы научного характера появлялись в таких изданиях, как «Древняя и новая Россия», «Странник», «Миссионер». Большой резонанс вызвала публикация в «Русском архиве» очерка отца Николая «Япония с точки зрения христианской миссии» и его труда научного характера — «Сёгоуны и микадо. Исторический очерк по японским источникам».

Важнейшим событием в жизни японской Православной общины стало строительство и освящение в Токио собора Воскресения Христова 24 февраля 1891 г. И по сей день этот храм, воздвигнутый стараниями отца Николая, остается одним из интереснейших исторических и культурных памятников японской столицы. Японцы по традиции называют его Никораи-до («Храм Николая») в память его создателя, что говорит о популярности отца Николая в Японии. В то время это было самое высокое здание в Токио.

В 90-х годах XIX в. большую помощь святителю Николаю оказывал отец Сергей (Страгородский) — впоследствии Святейший Патриарх Московский и Всея Руси. Решив посвятить себя миссионерской деятельности, отец Сергей прибыл в Японию в 1890 г. и уже в декабре совершил первую литургию на японском языке. Он старался вникнуть в жизнь японской Православной общины, познакомиться с бытом японцев. Большой интерес представляли дневники и статьи отца Сергия, посвященные Японии и Китаю. Широкая эрудиция, масштабность осмысления материала, хорошее владение языком позволили автору осветить целый спектр вопросов и проблем, связанных с религиозной и культурной жизнью народов Восточной Азии, прочувствовать типичные черты национальной психологии.

За выдающиеся заслуги Святейший Синод возвел епископа Николая в сан архиепископа с присвоением ему титула Японский (1906). В последнем своем отчете архиепископ Николай указывал, что на 1 января 1912 г. в Японии насчитывалось 33 017 православных. Скончался владыка Николай семидесяти шести лет от роду в Токио. Поскольку его авторитет в Японии был необычайно высок, на заупокойную службу прибыли министры японского правительства и послы всех христианских государств. Венок возложил лично премьер-министр Сайондзи Киммоти. Огромный венок из живых цветов был прислан от имени японского императорского дома.

После кончины архиепископа Николая дело Православной проповеди в Японии возглавил его достойный преемник Митрополит Японский Сергей (Тихомиров) (1871–1945).

Имя Святителя Николая останется жить в веках. 10 апреля 1970 г. Священным Синодом Русской Православной Церкви во главе со Святейшим Патриархом Алексием Первым было принято постановление о прославлении Николая в лике святых, с именованим «равноапостольный». В тот же день Священный Синод даровал Православной Церкви в Японии автономию, провозгласив ее Японской Автономной Православ-

ной Церковью, одновременно упразднив Православную Духовную Миссию в Японии (как она называлась к тому времени).

Формирование образа России в Японии. В Японии первые сведения о России появились, в 1695 г., когда Нисикава Дзёкэн опубликовал книгу «Пояснения к торговле между Китаем и Эдзо»*, в которой он указывал, хотя и неверно, расположение Мусукохэя (России)**. О ней он написал как о стране с теплым климатом, находящейся на удалении более четырех тысяч миль где-то в море. Позже эта книга была переиздана и дополнена, в качестве возможного экспортного товара назывались «кожи Москобии».

До XVIII века описания России ограничивались расплывчатыми и неточными отчетами о ее географическом положении и возможностях торговли. Только в 1713 г. в сочинении Араи Хакусэки «Восхождение к величию» встречается заметка о «Москобии», в которой упоминаются русские («люди крупные, красноволосые, белолицые, глаза — голубые»). И только значительно позже, к концу XVIII — началу XIX в. в обеих странах появляются книги, в которых описываются внешность, одежда, манеры и обычаи, характер людей и общие отличительные черты, присущие, по мнению авторов, всему народу.

В XVIII в. японцы продолжали черпать сведения о России в основном из голландских источников. В 70-х годах XVIII в. директор голландской фактории в Нагасаки капитан Фейт передал японскому переводчику Ёсё Косаку книгу о России, изданную у него на родине. Книга, носившая название «Прошлое и нынешнее состояние Русской или Московской империи, включая подробную историю России и других великих княжеств», была переведена на японский язык. Известно, что утраченная в дальнейшем рукопись была использована другим японским автором Кудо Хэйсукэ в 1788 г. при написании труда «Акаэдзо фусэцуко» («Размышления о красноволосых эдзо»).

Еще один японский ученый того времени перевел в 1793 г. несколько глав по русской истории из упомянутой голландской книги, и копии этого перевода распространялись среди образованных японцев. Из данного сочинения японцы узнали о деятельности русских монархов от Юрика до императрицы Елизаветы. Особое внимание уделялось личности и трудам Петра Великого, его преобразованиям, поездкам в зарубежные страны, приглашению им в Россию иностранных специалистов.

* Эдзо — прежнее название острова Хоккайдо.

** Мусукохэя либо Мусукобэя (Мосуко), а также Москобия — производное от Мусукобия, Московия. Слова Мусукобэя и Москобия также обозначали вид кож.

Интерес к России в Японии начал расти. Поэтому упоминавшаяся выше запись рассказов Кодаю была сделана со всей возможной тщательностью. Столь важное дело было поручено ученому Кацурагава Хосю, который не только зафиксировал все, что услышал от японцев, но и проверил данные по имеющимся источникам. Его труд «Краткие вести о скитаниях в северных водах» был завершен в 1794 г. и, из-за нежелания правительства распространять какие-либо сведения об иностранцах, был засекречен, причем даже черновик сочинения уничтожили. Сам Дайкокуя Кодаю до самой смерти фактически жил под домашним арестом. Несмотря на то, что содержание рукописи было известно очень узкому кругу людей и стало доступным только в XX в., она была важным дополнением к уже имевшимся сведениям. На тот момент это было самое подробное сочинение о России. Благодаря наблюдательности и тяге к новым знаниям, проявленным Дайкокуя Кодаю, работа охватывает различные стороны жизни русских людей и изобилует самой разной информацией — вплоть до пояснений к отдельным предметам, использовавшимся в быту, и описанием реалий непривычных и неизвестных японцам.

От Адама Лаксмана японцы также почерпнули немало сведений о России. Чиновники, посетившие его корабль, внимательно все осмотрели, расспросили обо всем, что увидели, и одолжили глобус и географические карты, чтобы скопировать их. В дальнейшем каждое российское судно, прибывавшее к берегам Японии, становилось для ее жителей новым источником знаний о нашей стране. Так, когда в 1804 г. в Нагасаки прибыл фрегат «Надежда» с посольством Н. П. Резанова, японцы активно использовали его присутствие для расширения своих представлений о России: они осмотрели все судно и его груз, пособия по географии и астрономии, физические приборы, составили небольшой русско-японский словарь.

В японском обществе конца XVIII в. можно выделить три слоя, в каждом из которых существовало свое особое отношение к России: власть, интеллигенция и простой народ. Власти придерживались враждебной политики, а среди образованных людей отношение было двояким — с одной стороны, как к мирному соседу, а с другой — как к носителю военной угрозы. Что касается простого народа, то о его отношении к России и русским людям судить гораздо труднее из-за отсутствия материалов. В эту среду информация поставлялась посредством хёрюмин («потерпевших крушение» или «скитающихся по морям»), т. е. людей, подобных Кодаю, которые не по своей воли попали в Россию и потом возвратились обратно. Вот что пишет по этому поводу Такано Аки-

ра: «Начиная со сведений, о положении России, доставленных Кодаю, на основе карт, посуды, утвари, книг, привезенных из этой страны хёрюмин, закрытая Япония знакомилась с культурой, искусством, обычаями соседнего государства. Это несло струю свежего воздуха для пробуждения Японии» (*Такано Акира. Нихон-то Росиа = Япония и Россия. Токио, 1972. С. 109*). Судя по книге В. М. Головнина, простые люди относились к русским доброжелательно и с большим любопытством, стремясь больше узнать о России.

Японцам также было интересно, какие впечатления о Японии остались у В. М. Головнина после длительного пребывания в плену, поэтому голландское издание его книги было доставлено в Японию и переведено в 1825 г.

Как полагает современный японский ученый Накамура Ёсикадзу, именно В. М. Головнин впервые познакомил японцев с русской поэзией. Он читал им вслух оду Г. Р. Державина «Бог» и смог дать некоторые пояснения. Его слушали четверо переводчиков: Уэхара Кумадзиро, Мураками Тэйсукэ, Баба Садзюро и Адати Садай. Местный чиновник Мураками учился русскому языку у В. М. Головнина, а Баба и Адати начали осваивать его в Эдо с помощью Дайкокуя Кодаю. В филиале Парламентской библиотеки в Токио («Сэйкадо-бунко») и по сей день хранится составленная В. М. Головниным грамматика русского языка в шести тетрадах, на одном из титулов которых сказано: «перевел Баба, с помощью Адати, просмотрел Уэхара» (*Hitotsubashi Journal of Arts and Sciences. Vol.13. №1. September 1972. P. 50.*). Все эти люди стали первыми японскими учеными, которые в XIX в. попытались сформировать представление о России из первоисточников.

Положительным результатом, к которому привело обогащение японцев информацией о русских, стало складывание с начала XIX в. еще одного образа России в Японии — образа учителя (впоследствии подобное представление существовало уже параллельно с образом врага). Обычно отмечается, что Япония стала воспринимать Россию как учителя только в 70–80-х годах XIX в., что объяснялось потребностью в идеологическом, наставнике в момент серьезных перемен в японском обществе, когда набирали силу различные социально-политические движения. Однако, в статье Вада Харуки «Представления о России в Японии» говорится, что «есть и другой аспект образа России как учителя. Японские интеллектуалы конца правления династии сёгунов Токугава руководствовались примером Петра Великого, разрабатывая проекты реформ в Японии. Это обстоятельство ныне почти полностью забыто японцами» (*Вада Харуки. Представления о России в Японии: учитель,*

враг, обрат по страданиям. С. 51). Сведений о Петре I в Японии было довольно много. О нем писалось в таких книгах, как «Краткие скитания в северных водах» и «Дополненное и расширенное издание “Записок о Западных делах”», написанной Ямамура Сайсукэ в 1803 г. Весь первый том «Истории России» (перевод с голландского того же автора) также был посвящен Петру. Так что в среде японских ученых интерес к нему был очень велик. В конце 30-х годов XIX в. увидели свет работы двух японских ученых — Сакума Сёдзан и Ватанабэ Кадзан, посвященные Петру I. Оба они восхищались великими делами русского императора и рекомендовали японцам активно заимствовать опыт реформ, осуществленных Петром Великим. В особенности эти авторы советовали обратить внимание на использование Петром иностранного опыта.

В целом, на протяжении первой половины XIX в. в России и Японии продолжался процесс «узнавания» друг друга, на основе сведений из неофициальных источников и от других государств, при отсутствии дипломатических отношений. Так постепенно создавалась почва для новых взаимных оценок, которые сложились уже в конце XIX в.

Последние десятилетия XIX в. многое изменили в отношениях России и Японии. После японской революции 1867—1868 гг. и начала «эпохи Мэйдзи» закончился период собирания сведений друг о друге и редких контактов (иногда с перерывами в несколько десятков лет), т. е. стадия, которую можно назвать «познавательной». На этом этапе знакомства большую роль играли случайные факторы и внешняя сила — голландцы (следует заметить, что на состояние русско-японских отношений и стереотипы восприятия всегда оказывала влияние третья страна; место Голландии во второй половине XIX в. заняла Великобритания, а в XX в. — США).

Открытие Японии внешнему миру во многом повлияло на ее отношение к России. Если интеллектуалы конца эпохи Токугава приводили Россию в пример Японии, считая ее ярким образцом правильного проведения реформ и умелого руководства, при котором отсталая страна может превратиться в высокоразвитое преуспевающее государство, то в дальнейшем восторженный взгляд на Россию существенно изменился. По сравнению с другими западными странами уровень развития русской науки и техники оценивался в Японии очень невысоко отчасти из-за отсутствия должной информации. Когда сразу же после свержения сёгунов Токугава и перехода власти к императору Мэйдзи, японское правительство стало направлять студентов в страны Европы и США в целях заимствования опыта в таких областях, как медицина, юриспруденция, военное дело, сельское хозяйство и т. д., в Россию было послано

всего девять человек, в то время, как в США, Англию, Германию — в несколько раз больше (*Тогава Цугуо. Мэйдзи Исин дзэнго-ни окэру ни-хондзин-но Росиакан = Образ России в Японии до и после Мэйдзи Исин // Росиа-то Нихон = Россия и Япония, 2. С. 112*).

Нельзя сказать, что к России перестали относиться как к учителю — напротив, в 70–80-х годах XIX в. участники «Движения за свободу и народные права» («Дзико минкэн ундо») искали опору в идеях русских народников. В дальнейшем японская интеллигенция испытывала большое влияние русской классической литературы, находя сходные черты в своей судьбе и судьбах героев литературных произведений. Однако, оставаясь символом высокой духовной культуры, Россия больше не была для Японии авторитетом в сфере технического прогресса или политического устройства.

Вместе с тем, произошла трансформация уже сложившегося образа России как врага. Если раньше он был несколько гипотетическим, то теперь, после 60-х годов XIX века преобрел более конкретные черты определявшиеся двумя обстоятельствами. «Во-первых, предполагалось, что Россия угрожает независимости и территориальной целостности Японии и, во-вторых, что Россия препятствует экспансии Японии на Азиатском континенте» (*Вада Харуки. Представления о России в Японии: Учитель, враг, собрат по страданиям. С. 57*). Следует заметить, что в значительной степени это объяснялось ростом милитаристских устремлений в самой Японии.

На первом этапе узнавания друг друга Россия играла более активную роль, стремясь не только завязать дружеские связи и получить сведения о японской жизни и культуре, но и предоставить о себе как можно больше информации. В России справедливо полагали, что большее количество знаний поможет составить более верное мнение о соседе и даст толчок к дальнейшему развитию отношений. Япония казалась русским богатой и интересной страной, с высокоразвитым искусством и очень незначительным техническим потенциалом, которая не желала идти на какие-либо контакты. Представление о японском искусстве было сильно искаженным и выглядело скорее как лубочная картинка с чересчур яркими красками и утрированными формами. Золотой блеск и расписные птицы с драконами были в России гораздо популярнее, чем в самой Японии, и это не давало настоящей картины японского искусства. Что касается отношения к Японии как к слаборазвитой, находящейся на очень низком уровне развития науки и техники стране, то оно складывалось во многом из-за того, что при нечастых встречах представителей обоих народов, русские всегда выступали в роли учителей, японцы же

только черпали у них знания, ничего не давая взамен в этой области. До «преобразований Мэйдзи» такой взгляд на Японию вполне соответствовал действительности, но Россия не сумела вовремя изменить его, и в определенной мере это стало причиной печального для России исхода русско-японской войны 1904—1905 гг.

Образ Японии как маленькой восточной неразвитой страны помешал не только России, но и европейским странам, верно оценить перемены, произошедшие в Японии после революции 1867—1868 гг. «К концу XIX века, когда в представлении европейцев Япония еще оставалась страной экстравагантных обычаев, набеленных игрушечных гейш в изящных кимоно, многоярусных деревянных пагод с изогнутыми крышами и прочей экзотической шелухи, она успела освободиться от серии неравноправных договоров с западными державами» (*Горегляд В. Н. Для лучшего впредь знакомства // Советские писатели о Японии. Л., 1987. С. 445*) и стать на один уровень развития с передовыми странами. Стереотипы были так сильны, что мир не насторожила даже агрессия Японии против Кореи и постепенное навязывание этой стране все новых и новых неравноправных договоров. Победа Японии в войне 1894—1895 гг. против Китая также не имела должного резонанса в мире. Настоящим шоком и в то же время прозрением для западных государств стала победа Японии в русско-японской войне.

Что касается японской оценки России, то она ни до, ни после «преобразований Мэйдзи» не была однозначной. «Два противоположных взгляда продолжали существовать долгое время, и в некотором смысле сохранились даже до настоящего времени» (*Тогава Цугуо. Мэйдзи Исин дзэнго-ни окэру нихондзин-но Росиакан = Образ России в Японии до и после Мэйдзи Исин // Россия-то Нихон = Россия и Япония, 2. С. 109*).

Еще одним отличием японского подхода к восприятию России являлось то, что стереотипы в Японии оказались не такими устойчивыми. Японцы смогли трезво оценить ситуацию и изменить свое мнение о северном соседе. На изменение оценки России влияли проникавшая в Японию русофобия и изучение реального положения России.

Существовала еще одна оценка России, — наша страна была известна в Японии под названием «страна справедливости» («гикоку»). Такой взгляд был вызван достойной позицией русского посольства во главе с Е. В. Путятиним и поведением русских моряков из его команды, которые остались в Японии после гибели «Дианы», ожидая возвращения на родину. Нахальство американского флота в навязывании первого американско-японского неравноправного договора, с одной стороны, и

тактичность и терпение русских под руководством Е. В. Путятина, с другой, работали на улучшение отношения к России.

60–70-е годы XIX в. стали переходом к новому этапу знакомства двух государств. В 1862 г. в Россию прибыла первая официальная японская миссия, а в 1874 г. в Петербурге открылось японское посольство, главой которого стал известный политический деятель адмирал Эномото Такэаки. Большую активность проявила миссия, отправленная в 1873 г. в ряд западных государств и в том числе в Россию, возглавлявшаяся Ивакура Томоми. Члены посольства должны были посетить 15 стран с тем, чтобы подготовить пути для пересмотра неравноправных договоров и изучить достижения и опыт Запада в целях дальнейшего осуществления реформ, задуманных новым режимом. И хотя итоговые выводы были сделаны не в пользу России (только один человек — Окубо Тосимити, заместитель главы миссии, счел нашу страну подходящим примером для Японии, остальные же не нашли каких-либо полезных для перенимания вещей), программа знакомства с Россией была очень обширна. Несмотря на короткий срок пребывания — всего 16 дней, члены делегации успели посетить множество предприятий, фабрик, музеев и различных учреждений и даже удостоились аудиенции у Александра II.

Обязанности секретаря миссии выполнял японский ученый Кумэ Кунитакэ, опубликовавший в 1878 г. записки об этом путешествии, названные «Бэй о кайран дзикки» («Правдивый отчет о поездке в Америку и Европу»). В своей книге Кумэ постарался объяснить японцам, что в Европе существует пять крупнейших держав: Англия, Франция, Германия, Австрия и Россия. По его мнению, Англия и Франция были в то время самыми могущественными, а Россия — наименее развитой, и европейцы смотрели на нее, как на страну, лишь немного превосходившую Турцию. Поэтому, как полагал Кумэ, японцам не следовало опасаться России, а отношения необходимо было развивать с иными державами. Члены делегации сочли российскую абсолютную монархию, огромный разрыв между богатыми и бедными и непросвещенность низов русского общества признаками отсталости страны.

Во второй половине XIX в. на формирование представлений о России в Японии все большее влияние стали оказывать взгляды, излагавшиеся английскими авторами, официальная позиция британского правительства и английская пропаганда. В это время английский язык становится популярным в Японии, и многие японские интеллигенты познавали мир, читая по-английски.

Примером этого могут служить оценки, дававшиеся России в работах известного государственного деятеля Мори Аринори (1847–1889),

первого министра просвещения Японии, заложившего основы современной системы начального и высшего образования. Мори посетил Петербург летом 1866 г. во время обучения в колледже при Лондонском Университете. Находясь под влиянием английской русофобии, он пытался доказать агрессивность России по отношению к Японии и указывал, что конечной целью российской внешней политики является покорение всего мира. Мори также усмотрел некоторые негативные черты в жизни русского общества (спору среди членов семьи о наследстве, супружеская измена, рождение детей у незамужних женщин).

Более сложным и неоднозначным было отношение к России другого видного деятеля Эпохи Мэйдзи Фукудзава Юкити (1835–1901), посетившего Петербург в составе миссии Такэноути. В своей работе «Миндзё иссин» («Нововведение во мнение народа»), опубликованной в 1879 г., он, возможно впервые, познакомил японцев с политической ситуацией в России того времени. Проанализировав такие явления и события, как самодержавие Николая I, отмена крепостного права, покушения на жизнь Александра II, Фукудзава пришел к выводу, что Россия все более активно приближается к наиболее передовым странам Европы и в ней нарастает антиправительственная политическая борьба. Главным тормозом развития России, по мнению Фукудзава, было сохранение самодержавия.

В 1878 г., возвращавшийся на родину японский посланник Эномото Такэаки совершил путешествие по Сибири. Он и два его спутника интересовались бытом и обычаями местного населения, развитием промышленности и горнорудного дела, изучали природу и рельеф. Свои впечатления о поездке Эномото подробно изложил в «Сибирском дневнике». Вместе со стремлением лучше узнать своего северного соседа росло число людей, знающих русский язык, осведомленных в истории, религии и искусстве России. В 70-х годах XIX в. появились переводы на японский язык произведений русской литературы. Таким образом, эти два десятилетия (60–70-е годы) можно считать переходом к новому, более продуктивному освоению русской культуры, более близкому знакомству с соседним народом. Это было время ломки старых стереотипов, складывания новых представлений и формирования новой политики в отношении нашей страны.

Взаимодействие двух культур. Во второй половине XIX в. наметилась тенденция активного взаимодействия русской и японской культур. Представители российской интеллигенции пытались глубже проникнуть в суть японской духовной культуры, постичь специфику япон-

ского искусства. Японцы, в свою очередь, приступили к знакомству с достижениями русской поэзии, литературы, музыки.

Во время пребывания в их стране посольства Е. В. Путятина японцы впервые познакомились с работой художников, находившихся в составе миссии. Российский офицер А. Ф. Можайский писал портреты японских чиновников и сцены из городской жизни. Художник Леман помогал японскому живописцу Ёкояма Мацусабуро приобщиться к европейской технике живописи.

Осваивали достижения нашей науки и культуры первые японские студенты, обучавшиеся в Петербурге. Наиболее известным из них стал Ниси Токудзиро (1847–1912), учившийся на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Впоследствии он занимал пост министра иностранных дел Японии.

В своих записках и воспоминаниях японские студенты и дипломаты всегда подробно описывали посещение российских музеев, библиотек, научных учреждений, восхищались русской архитектурой. Инженер Назимов, руководивший строительством в Хакодате православной церкви, а также здания консульства и больницы, познакомил японцев с русским зодчеством непосредственно на их земле. Работавший в российском консульстве врач Зеленский лечил жителей Хакодате, знакомя их с методами, применявшимися в нашей медицине.

Особую роль в становлении японской интеллигенции нового времени сыграла русская литература, оказавшая большое влияние на литературу Японии конца XIX–XX вв. Русский язык и литература начали активно изучаться в Японии в 70-х годах XIX в. Стремление знакомиться с иностранными державами привело к тому, что в 1873 г. была основана Токийская школа иностранных языков. Среди пяти отделений, из которых она состояла, было и русское. Желающие поступить в школу (подростки от 13 до 17 лет) должны были подать заявление и выдержать вступительные экзамены. Через некоторое время после зачисления поступившим предлагали выдержать тест, на «способность усваивать русское произношение» (тех, кто не мог его сдать, отчисляли из школы). Ученики изучали общеобразовательные дисциплины (историю, географию, логику, классическое конфуцианство, математику, физику и т. п.), а студенты старших классов русского отделения занимались по программе российских гимназий, пользовались русскими учебниками. На начальном этапе (первые четыре семестра) уроки русского языка велись учителями-японцами. За все годы существования школы (12 лет) на русском отделении работало около 50 учителей. Самым известным из них, пожалуй, был Итикава Бункити (1848–1927), один из первых сту-

дентов, проходивших стажировку в России еще до событий Мэйдзи, в 1865 г. Он был направлен в Петербург из Хакодате при содействии первого российского консула И. А. Гошкевича. Еще одной примечательной фигурой среди японских учителей русского языка был Куроно Есибуми (1859–1918), который был одним из первых выпускников школы. Он основал общество Хокумэйкай («Северное сияние»), сыгравшее важную роль в деле распространения знаний о России.

Из русских преподавателей школы следует отметить Л. И. Мечникова (брата великого русского ученого И. И. Мечникова), получившего приглашение на работу от одного из членов миссии Ивакура Томоми, во время пребывания последней в Женеве, где в то время проживал Л. И. Мечников. Он преподавал в Школе Иностранного языка в Токио в течение двух лет, после чего из-за болезни был вынужден вернуться в Европу. Овладев японским языком, Л. И. Мечников объездил всю страну. Он написал 20 востоковедных работ и воспоминания о жизни в Японии.

Любовью учеников пользовался также Николай Грей, эмигрировавший из России в Америку по политическим мотивам. Он читал ученикам вслух главы из произведений русских классиков, после чего слушатели писали изложение. Такой способ преподавания, хотя и показал свою эффективность, был на самом деле вынужденным: школьная библиотека насчитывала всего 300 русских книг, причем каждая была в единственном экземпляре. Кроме того, одним из правил библиотеки было то, что ученики не могли брать повторно прочитанную книгу.

После пяти лет обучения выпускники школы получали общее среднее образование и знание избранного иностранного языка. Те из них, кто выбирал европейский язык (английский, французский), старались продолжить свое образование в университете, остальные поступали на государственную службу или в торговые фирмы.

В первые годы работы школы учащиеся получали государственное обеспечение, позднее они уже должны были оплачивать жилье, питание, сдавать деньги на хозяйственные нужды. Постепенно финансовое положение школы ухудшилось настолько, что в 1885 г., по приказу министра просвещения Мори Аринори, она была расформирована. Однако уже в 1899 г. школа была восстановлена, получив права колледжа с трехлетним сроком обучения.

Именно в это время русская художественная литература стала приобретать в Японии большую популярность. Одним из самых известных переводчиков того времени был Футабатэй Симэй (псевдоним литератора Хасэгава Тацуносукэ (1864–1909)). Его любимым писателем стал И. С. Тургенев и именно его произведения Футабатэй переводил чаще

ншего. Возможно оттого, что тургеневская манера писать наиболее близко соответствовала эстетическим представлениям японцев, его повести приобрели большую популярность. Футабатэй часто изменял названия произведений, стараясь передать общий дух, настроение, основную линию романа или рассказа. Так, например: «Ася» стала известна японцам под названием «Неразделенная любовь»; а «Рудин» — получил заголовок «Перекасти-поле». Японские переводчики не всегда и не во всем придерживались оригинала. Даже в тех случаях, когда они не изменяли сюжетную линию произведения и не искажали художественный замысел автора, они старались так или иначе выразить свое отношение к героям повествования и происходящим событиям. Это объяснялось стремлением приблизить русские произведения к японскому читателю, сделать их более понятными и привычными для представителей другой нации.

Футабатэй сформировался как писатель благодаря русской литературе. Прекрасно владея русским языком, он хорошо знал произведения И. А. Гончарова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и стремился познакомить с ними японских читателей. Футабатэй преподавал в Токийском университете, а в 1908 г. отправился в Петербург в качестве корреспондента Асахи-пресс.

В конце 80-х годов XIX в. в Японии стали появляться первые переводы произведений Л. Н. Толстого. Его сочинения вызывали особый интерес читательской аудитории, на японский язык переводилось практически все, что выходило из-под пера великого мастера. Известный писатель и общественный деятель Токутоми Рока (1868–1927) в 1890 г. опубликовал статью «Великое светило русской литературы — Толстой». Ему удалось найти в творчестве русского писателя то, что было созвучно духовным исканиям японской интеллигенции того времени: призыв к всеобщему братству людей, духовной свободе, высокие нравственные принципы. На рубеже веков Л. Н. Толстой стал восприниматься в Японии не только как писатель, но и как «учитель жизни». Накадзава Ринсэй, например, называл жизнь и творческие искания Л. Н. Толстого «последовательным проявлением Великой истины», тем самым объективно сближая его с духовной традицией Восточной Азии.

Отправившись в путешествие «к святым местам» Токутоми Рока наряду с Иерусалимом посетил в 1906 г. Ясную Поляну, где встречался и беседовал с Л. Н. Толстым. Впоследствии он утверждал, что прикосновение руки Толстого «превратило его в человека». Восприняв многие толстовские принципы, Токутоми в 1910 г. обратился с письмами к

премьер-министру и императору, требуя отмены смертной казни для политических заключенных.

Небывалый резонанс вызвала в Японии публикация в 1908–1910 гг. перевода романа Л. Н. Толстого «Воскресение», выполненного одним из крупнейших литературных критиков, публицистов и писателей тех лет Утида Роан. Перевод был сделан с английского, но Утида имел великолепного консультанта (им стал Футабатэй Симэй, хорошо знавший русский оригинал). В дальнейшем последовали переводы, осуществленные непосредственно с русского. Гуманизм великого писателя, необычайно рельефно проявившийся в романе, оказался созвучен исканиям передовой части японского общества, а социальные проблемы, характерные для России были схожи с японскими.

В 1913 г. начал свою деятельность Художественный театр («Гэй-дзюудза»), труппа которого состояла из актеров европейской школы, намеревавшихся знакомить японцев с пьесами западных авторов. Наибольший успех театру принесла инсценировка «Воскресения», осуществленная Симамура Хогэцу, которому удалось приблизить идеи романа к восприятию их японским массовым сознанием. Актриса Мацуи Сумако, блистательно исполнявшая роль Катюши Масловой, снискала всеобщую любовь и популярность. В пьесе была введена песенка, которую Катюша пела в часы своего счастья, трогательные слова которой стали для японцев своеобразным символом простой русской девушки. Вскоре песенку стали петь по всей Японии. Труппа Художественного театра гастролировала с этой инсценировкой по многим городам страны, чем способствовала небывалому росту популярности произведений Л. Н. Толстого среди японцев. Интерес к творчеству великого писателя еще более повысился после постановки в этом театре «Живого труппа», где Мацуи Сумако исполнила роль цыганки Маши.

В начале XX в. в Японии появилось много последователей философских, морально-этических и социальных взглядов Л. Н. Толстого. Писатель Мусянокодзи Санэцу с 1910 г. начал издавать журнал «Сиракаба» («Белая береза»), объединивший писателей, разделявших взгляды Л. Н. Толстого, а в 1916 г. появился специальный журнал «Торустой кэнкю» («Изучение Толстого»). Мусянокодзи также развернул общественное движение за создание трудовых земледельческих коммун. Так возникли своеобразные трудовые объединения японской интеллигенции, получившие название «Атарасики Мура» («Новая деревня»), представлявшие собой японский вариант «толстовских коммун» в России.

Не меньшей популярностью пользовались в Японии произведения Ф. М. Достоевского. Перевод его романа «Преступление и наказание»

был впервые опубликован в 1892 г. и вызвал широкий резонанс. Социальные вопросы, на которых заострял внимание русский писатель, были созвучны проблемам тогдашней Японии, отвечали потребностям времени, а философские и гуманистические идеалы Ф. М. Достоевского были близки многим представителям японской интеллигенции. В страданиях героев его произведений люди находили отражение собственных переживаний, это помогало ощущать себя не такими одинокими, поддерживало и внушало надежду на лучшее. Одним из писателей, подвергшихся наиболее сильному влиянию Ф. М. Достоевского, был Акутагава Рюноске (1892–1927). Акутагава идеализировал русскую литературу вообще, но Достоевский, пожалуй, привлекал его больше всего. В творчестве Акутагава явно прослеживаются следы, которые оставили в его душе произведения русского классика. Особый успех произведения великого русского писателя снискали в Японии в годы Первой мировой войны.

Большой любовью и популярностью в Японии пользовались произведения Н. В. Гоголя. Японские читатели познакомились с его сочинениями в конце XIX в. Первым его переводчиком был Токутоми Рока, опубликовавший перевод «Тараса Бульбы» под названием «Старый воин» в одной из японских газет. Позже были переведены такие произведения, как «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Старосветские помещики» и др. На первом этапе знакомства с творчеством Гоголя практически все его работы переводились с английского языка — естественно, такой метод «двойного перевода» давал меньше возможностей для точной передачи особенностей стиля писателя, но общий дух произведений удалось выразить хорошо. Они быстро завоевали любовь читателей и заинтересовали критиков и представителей творческой интеллигенции Японии. Японские писатели восхищались Гоголем и даже считали, что «японская натуралистическая литература во многих отношениях продолжала линию русского натурализма, у истоков которого стоял Гоголь» (100 лет русской культуры в Японии. М., 1989. С. 117).

В силу того, что передать живой, разговорный язык героев гоголевских произведений посредством литературного языка — бунго, который изобилует ограничениями, было очень сложно, японские переводчики стали нарушать устоявшиеся традиции, и вводить в переводы обороты разговорного языка, что раньше было невозможно. Талант Гоголя, его удивительный слог вызывали восхищение писателей Японии и заставляли их искать средства для более полной передачи богатства его речи, а это, в свою очередь, оттачивало искусство перевода самих японских мастеров.

В начале XX в. в Японии вышли в свет переводы произведений А. С. Пушкина, В. Г. Короленко, А. И. Куприна, Л. Н. Андреева. Наборы Сёку перевел в 1910 г. пьесу М. Горького «На дне». После русско-японской войны 1904—1905 гг. среди японских литераторов была популярна фраза: «Япония победила Россию в войне, но полностью побеждена в литературе».

Благодаря знакомству японцев с русской литературой XIX — начала XX в. у японской интеллигенции и массовой читательской аудитории начал формироваться новый образ России: «Россия — собрат по страданиям». Японские интеллектуалы воспринимали страдания и беспокойства русской интеллигенции как свои собственные. Они отождествляли себя с теми героями русских литературных произведений, которые стремились к самоутверждению в условиях нарастающей европеизации, к моральному единению с угнетенными и обездоленными. Восприятие русской литературы в Японии отличалось от ее восприятия в Европе и Америке того времени (*Вада Харуки. Представления о России в Японии. Учитель, враг, собрат по страданиям. С. 50*).

Во второй половине XIX — начале XX в. продолжал расти интерес к Японии и в России. Центром научного изучения Японии становится основанный в 1854 г. факультет восточных языков Санкт-Петербургского Университета, где в 1870 г. началось преподавание японского языка. Первым преподавателем стал японец Татибана Кумэдзо (литературный псевдоним — Косай), прибывший в Петербург еще с участниками миссии Е. В. Путятина. Приняв Православие, Татибана получил имя Владимир, отчество — Иосифович (в честь своего крестного отца И. А. Гошкевича) и фамилию Яматов (от древнего названия Японии — Ямато). В дальнейшем он служил переводчиком в Азиатском департаменте МИД России и помогал И. А. Гошкевичу в создании японско-русского словаря. С 1870 по 1874 г. В. И. Яматов безвозмездно преподавал японский язык студентам III и IV курсов китайско-маньчжурскомонгольского разряда. Среди тех, кто посещал его занятия, были будущий генеральный консул России в Нагасаки и известный японовед В. Я. Костылев, и талантливый монголовед, первый директор Восточного института во Владивостоке А. М. Позднеев.

В связи с возвращением Татибана (В. И. Яматова) на родину в 1874 г. факультет восточных языков поддержал представление профессора В. П. Васильева пригласить на должность преподавателя японского языка и каллиграфии сотрудника японского посольства в Петербурге Ниси Токудзиро, хорошо говорившего по-русски. Ниси преподавал на факультете до октября 1876 г., когда был переведен на службу в Париж.

В дальнейшем он занимал очень высокие посты: был посланником в Петербурге, министром иностранных дел Японии, членом Тайного совета.

С отъездом Ниси занятия японским языком в университете не прекратились, так как для преподавания был приглашен другой сотрудник японской миссии — Андо Кэнсукэ, также владевший русским языком и посещавший лекции на юридическом факультете. В 1883 г., получив штатную должность в японском посольстве, Андо не мог иметь постороннюю оплачиваемую службу, однако он выразил желание продолжать занятия со студентами, не получая жалованья.

В 1882 г. в Россию прибыл принц Арисугава Тарухито. Узнав, что в Петербургском университете преподается японский язык, принц подарил университету более трех с половиной тысяч книг из своей личной коллекции. Среди подаренных книг были школьные учебники, труды по истории, литературе, справочники, конфуцианские и буддийские тексты. Ученый совет университета присвоил принцу Арисугава звание почетного члена.

Андо Кэнсукэ проделал очень большую работу по систематизации и каталогизированию подаренной коллекции. По представлению университета он был награжден орденом Станислава II степени «за безвозмездное преподавание и составление каталога книг».

Через некоторое время после отъезда Андо Кэнсукэ преподавателем японского языка и каллиграфии стал Куроно Ёсибуми, лично рекомендованный японским посланником в Петербурге Ниси Токудзиро. Еще в Японии Куроно был крещен по Православному обряду и принял имя Иосиф Николаевич. В Петербургском университете он не только читал лекции и вел практические занятия, но и постоянно готовил учебные пособия, чрезвычайно необходимые тогдашним студентам.

Вклад преподавателей-японцев в дело становления в Петербурге японоведческой подготовки был очень велик. Эти люди (по большей части безвозмездно) помогали русским студентам овладевать японским языком, знакомили их с японской культурой, способствовали расширению российских представлений о Японии. А появление в Петербургском университете первых профессионалов-японоведов, в свою очередь, предопределило новый этап восприятия японской культуры в России.

25 февраля 1898 г. министр народного просвещения учредил на факультете восточных языков кафедру японской словесности. В 1900 г. японская кафедра была открыта в Восточном институте во Владивостоке. Выпускники этих кафедр внесли огромный вклад в дело распространения японской культуры в России. Многие из них стали квалифициро-

ванными переводчиками японской литературы и знатоками общественной жизни Страны восходящего солнца.

На рубеже XIX и XX вв. на русский язык были переведены памятники классической японской литературы, народные сказки, произведения современного писателя Нацумэ Сосэки (1867–1916), трехстишия Мацуо Басё (1644–1694). Увидели свет важные исследовательские работы о Японии. Тогда же произошло знакомство российской публики с японским театром.

Увлечение Японией постепенно охватывало интеллектуальные круги в России. Мода на японское искусство в значительной мере приходила с Запада, но постепенно появились и внутренние причины этого интереса. Петербургская и московская публика зачитывалась путевыми заметками о поездках в Японию, мода «на японское» стала проникать даже в быт. В 1905 г. в Петербурге с большим успехом прошла японская выставка.

Поэты Валерий Брюсов и Андрей Белый пытались подражать японским танка, поразившим их воображение (примером может служить стилизованное под японцев стихотворение А. Белого «Цветок струит росу...»), написанное в 1916 г.). Велимир Хлебников мечтал о «союзе трех: Индии + России + Японии». Печатный орган московских символистов «Весы» вышел в октябре 1904 г. в стилизованном японском оформлении.

В начале XX в. в России стали проявлять интерес к японской живописи. Крупнейшим собирателем произведений изобразительного искусства Японии стал военный моряк С. Н. Китаев, организовавший двадцать выставок картин и гравюр из своего собрания. Русские художники А. П. Остроумова-Лебедева и В. Ф. Фалилеев говорили о влиянии на их творчество японских мастеров. Страстным приверженцем японской живописи был и Максимилиан Волошин, серьезно изучавший произведения японских живописцев во время своего пребывания в Париже и мечтавший совершить путешествие в Японию. Эта страна буквально манила к себе российских художников и поэтов. Великий русский живописец В. В. Верещагин совершил поездку по Японии, восхищаясь ее удивительной природой, и написал ряд полотен, навеянных впечатлениями об этой поездке.

В 1916 г. путешествие в Японию смог осуществить К. Д. Бальмонт. Он был искренне удивлен тем, что встретил в этой стране знание и понимание русской литературы. Появление в Японии первого русского поэта, в свою очередь, вызвало большой интерес японской публики, в печати появилось множество откликов. Перу К. Д. Бальмонта принад-

лежат изумительные стихи о Японии и многочисленные переводы японских поэтических произведений. В своем поэтическом обращении к Японии русский поэт писал:

*Япония, Ниппон, Нихон,
Основа Солнца, Корень Света,
Прими от русского поэта
Его струны певучий звон.
Мне люб твой синий небосклон,
И древо вишни в час расцвета,
Твоя весна светла, как лето,
Резьба всего — узорный сон*

Очарованные Японией русские литераторы и художники создавали очень благоприятный образ Японии, который в целом не смогла поколебать даже война 1904–1905 гг. Начавшийся диалог двух самобытных культур стал уже необратимым и плодотворно развивался.

Российско-японские отношения в начале XX века. В начале XX века на международной политической арене произошло событие ставшее серьезным испытанием для обеих стран. Русско-японская война 1904–1905 гг. разрушила много хорошего из того, что было создано к тому моменту в наших отношениях. И если прежде образ России, как врага, создававшийся в Японии искусственно, имел под собой мало реальных оснований, то теперь для его поддержания не требовалось даже специальных усилий. Разумеется, войне предшествовало много политических предпосылок. События «периода Мэйдзи» привели к тому, что Япония к концу XIX — началу XX вв. стала экономически развитой, сильной страной. В то же время ее положение среди остальных крупных держав оставалось едва ли не зависимым, ее истинный потенциал явно недооценивался и фактически за ней не признавалось право принимать активное участие в международных делах. Ее прежний образ отсталой маленькой страны, сложившийся ранее, мешал ей теперь. Помочь в этом могло только решительное и значительное заявление о себе. И действительно, после победы над Россией (в глазах всего мира гораздо более сильной и передовой державы) отношение к ней изменилось и с ней начали считаться. Как писал бывший премьер-министр Японии Ёсида Сигэру: «Одержав победу над силами царизма, японская нация неожиданно обрела статус великой державы и этим успешно осуществила предначертания, которые она перед собой поставила» (*Маринков В. А. Россия и Япония перед первой мировой войной. М., 1974. С. 9*).

Естественно, это не было прямым поводом для войны. Существовал целый ряд вполне конкретных причин. После договора 1875 г., по которому весь Сахалин отходил к России, а Курилы к Японии, территориальные аппетиты последней не были удовлетворены. Кроме того, Японии мешало противодействие России ее действиям в Корее и беспокоило растущее влияние нашей страны на Дальнем Востоке. Военно-политические круги Японии, хотя и могли реально оценить экономическую и военную силу России, которая на соответствующий момент была не слишком большой, все же считали Россию великой державой с огромными потенциальными возможностями, и, разумеется, такое опасное соседство не могло не беспокоить японское правительство.

Перед войной страницы японских газет наводнились карикатурными рисунками на политические сюжеты. Основной их темой была обострившаяся международная обстановка, в особенности, сложные отношения России и Японии. Как правило, Россия на этих карикатурах изображалась в виде сильного и агрессивного зверя (медведя или тигра), в то время как Япония представлялась маленьким беззащитным зверьком или солдатиком. Роль Великобритании, стравливавшей два государства, также нашла отражение в этих картинках — ее вряд ли можно назвать привлекательной. Лучшего способа, чем пресса и, в особенности, карикатуры, для того, чтобы настроить народ на нужный лад, в то время было не найти — тогда газеты и журналы были главным и, пожалуй, единственным средством воздействия на общественное сознание. Основная задача японского правительства состояла в том, чтобы преодолеть страх своих граждан перед Россией, которая представлялась японцам одной из сильнейших мировых держав, ведь тот, кто смешон, становится почти не страшен, что, в свою очередь, является очень существенным психологическим моментом, необходимым для победы. К началу войны всю страну захлестнули антирусские настроения. В романе известного японского писателя Нацумэ Сосэки «Ваш покорный слуга кот» главный герой, философствующий о жизни кот, заявляет, что готов отправиться на фронт, чтобы царапать русских солдат — это показывает саркастическое отношение автора к гипертрофированным патриотическим настроениям, охватившем все слои японского общества.

В конце января 1904 г. японская эскадра атаковала российский флот в гавани Порт-Артура. Несколько русских кораблей были уничтожены сразу. Фактически лишенные поддержки правительства русские солдаты и офицеры мужественно сражались с хорошо подготовленными, превосходящими по численности и вооружению войсками противника. Силы воюющих были слишком неравны. В декабре 1904 г. Порт-

Артур капитулировал, продержавшись почти год. Причины, история и результаты войны досконально исследованы и многократно описаны, поэтому здесь нет смысла подробно рассматривать ее ход. Русская сторона потерпела сокрушительные поражения под Ляояном, Мукденом и в страшном Цусимском сражении. Капитуляция героической крепости Порт-Артур и гибель русского флота при Цусиме в мае 1905 г. ускорили победу японцев.

Было бы несправедливо не упомянуть о тех, кто с обеих сторон выступал против этой войны. В России из лиц, облеченных властью, противившихся началу войны можно упомянуть министра финансов С. Ю. Витте и военного министра А. Н. Куропаткина. В Японии резко отрицательно к войне отнеслись социалисты, издававшие газету «Хэймин симбун». Это кровопролитие также удручало многих представителей интеллигенции. Так, например, Накадзато Кайдзан после трагической гибели известного во всем мире русского художника В. В. Верещагина писал в эпитафии: «... мы, пацифисты, с глубочайшей скорбью оплакиваем смерть миролюбивого художника В. В. Верещагина. Так же, как и Толстой, который ведет пропаганду мира силой слова, наш Верещагин кистью старался показать людям, что война — самая ужасная, самая нелепая вещь на свете» (См.: *Иванова Г. Д. Русские в Японии XIX — начала XX в. М., 1993. С. 80*).

Японский поэт Исикава Такубоку, потрясенный гибелью адмирала С. О. Макарова, написал взволнованное стихотворение:

*О битва! Сопричислен русский витязь
Великим полководцам всех времен,
Но смертью беспощадной он сражен...*

(См.: Накамура Есикадзу. Мнение японского поэта Исикава Такубоку о России // Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. М., 1986. С. 75).

Трудно пришлось в период войны Русской Православной Миссии в Японии. Все российские дипломаты и деловые люди с началом войны вернулись на родину. Единственными русскими, оставшимися в Японии во время войны, были священники Миссии. Имена этих людей — епископ Николай, священник Сергей Глебов — бывший настоятель посольской церкви и дьякон Львовский. От них потребовались огромные дипломатические способности и такт, чтобы продолжать исполнение своих обязанностей и не нарушить свой долг перед Отечеством. Публичных богослужений больше не проводили, так как нельзя было мо-

литься за победу над собственной родиной. В японском обществе росли шовинистические настроения. Русская церковь была объявлена «гнездом шпионов», а православный храм в городе Иокогама был разгромлен. Тем не менее, даже в этих условиях русские священники делали все возможное, чтобы приносить пользу людям. Когда в Японии стали появляться русские военнопленные (всего около 73 тыс. человек), отец Николай и два его соотечественника, а также японские православные священники пришли им на помощь. Они организовали Общество утешения верующих и собирали для пленных деньги, книги, одежду.

После заключения Портсмутского мирного договора, в результате чего Россия потеряла Южный Сахалин, пути Японии и России не пересекались почти десять лет — до следующей войны. Япония набирала силу, укреплялся ее экономический потенциал, более прочными стали позиции в мире, и никто уже не сомневался в ее значимости на международной арене. В России события развивались в прямо противоположном направлении.

К началу Первой мировой войны наметилось определенное сближение внешнеполитических позиций России и Японии. Русское правительство, подталкиваемое Францией, все активнее вступало в конфронтацию с Германией. Япония же, в свою очередь, рассчитывала вытеснить Германию из Китая и с тихоокеанских островов. Усиление позиций США на Тихом океане также тревожило как Японию, так и Россию, поэтому неудивительно, что обе страны оказались союзницами в разразившейся мировой войне. Попытка нормализовать отношения с Японией была предпринята русским правительством еще в 1909 г., когда должна была состояться встреча министра финансов В. Н. Коковцова с известным японским политическим деятелем Ито Хиробуми в Харбине. Однако в результате покушения, совершенного патриотически настроенным корейцем Ан Чун Гыном, Ито скончался, и переговоры не состоялись.

В 1911 г. в Петербурге было образовано русско-японское общество, которое должно было содействовать развитию торговли между двумя странами, В 1912 г. была подписана секретная конвенция о размежевании сфер влияния России и Японии во Внутренней Монголии. Данное соглашение было явно направлено против действий Соединенных Штатов, стремившихся укрепить свои позиции в Северо-Восточном Китае и Внутренней Монголии.

После начала Первой мировой войны, когда немцы развернули массированное наступление на Восточном фронте, Япония предложила послать свои войска на русско-германский фронт, однако Россия проявила осторожность и отказалась. В 1915 г. во время ухудшения воен-

ной обстановки министр иностранных дел С. Д. Сазонов обратился к японскому правительству с просьбой о немедленной продаже России 1 млн. винтовок, но японская сторона не смогла в полной мере удовлетворить эту просьбу. Во время войны Япония продала России оружия и военного снаряжения на сумму в 300 млн. иен.

Несмотря на сохранявшиеся серьезные противоречия, позиции Японии и России стали сближаться во многих вопросах. В итоге 3 июля 1916 г. была подписана конвенция, в которой утверждалось, что Россия и Япония не будут присоединяться к каким-либо союзам, направленным против одной из стран, и будут консультироваться о мерах по совместной защите в случае угрозы со стороны третьей державы. Заклучая по сути союзный договор с Российской империей, японское правительство питало надежду на то, что после окончания войны Япония сможет занять место Германии на российском рынке. Следует добавить, что за годы войны увеличилась финансовая задолженность России Японии.

Российская революция 1917 г. коренным образом изменила обстановку на Дальнем Востоке. С образованием СССР начался новый этап в развитии отношений нашей страны с Японией.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Головнин В.М. Записки флота капитана Василия Михайловича Головнина оключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе. Ч. 1–3. СПб., 1885

Иванова Г.Д. Русские в Японии XIX — начала XX вв. М., 1993

Кацурагава Хосю. Краткие вести о скитаниях в северных водах («Хокуса монряку») / Пер. с японского, комментариев и примечания В. М. Константинова. М., 1978

Кин Д. Японцы открывают Европу. 1720–1830. М., 1972

Константинов В.М. Россия XVIII в. глазами японцев // Кацурагава Хосю. Краткие вести о скитаниях в северных водах. М., 1978

Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1968

Накамура Синтаро. Японцы и русские: из истории контактов / Пер. с японского В. Я. Салтыкова М., 1983

Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2. Памяти святителя Николая, апостола Японии, 1836–1912. СПб., 1996

Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых / Отв. ред. И.А. Латышев М., 1986

Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960

Черевко К.Е. Как в Россию проникали первые сведения о Японии // Проблемы Дальнего Востока. 1976. № 4

ОБ АВТОРАХ

Базиленко Игорь Вадимович, доктор исторических наук, профессор восточного факультета СПбГУ

Григорьев Сергей Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент восточного факультета СПбГУ

Дьяков Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока восточного факультета СПбГУ

Желтяков Анатолий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, в 1978–1989 гг. заведующий кафедрой истории стран Ближнего Востока восточного факультета СПбГУ

Иванов Сергей Михайлович, кандидат экономических наук, доцент восточного факультета СПбГУ

Крайнюк Надежда Юрьевна, аспирантка восточного факультета СПбГУ

Курбанов Сергей Олегович, кандидат исторических наук, доцент восточного факультета СПбГУ

Мельниченко Борис Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока восточного факультета СПбГУ

Попов Антон Владимирович, кандидат исторических наук, доцент восточного факультета СПбГУ

Самойлов Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент восточного факультета СПбГУ

Сипенкова Тамара Михайловна, старший преподаватель восточного факультета СПбГУ

Филиппов Александр Викторович, кандидат исторических наук, доцент восточного факультета СПбГУ

Харатишвили Генрико Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент восточного факультета СПбГУ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской Империи
БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси
ВИ – Вопросы истории (журнал)
ГААО – Государственный архив Астраханской области
РГИА – Российский государственный исторический архив
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
МАЭ – Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера)
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РГО – Российское географическое общество
РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота
ПВЛ – Повесть временных лет. СПб., 1996
ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси
ППС – Православный Палестинский сборник
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
ЧОИДР – Чтения в Императорском Обществе истории и древностей
Российских

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
I. Россия и арабский Восток (Т.М. Сипенкова).....	10
II. Россия и страны Арабского Магриба (Алжир, Тунис, Марокко) (Н.Н. Дьяков).....	48
III. Россия и Турция (общее и особенное в историческом развитии в эпоху средневековья и новое время) (С.М. Иванов).....	75
IV. Русско-турецкие культурные связи (А.Д. Желтяков).....	105
V. Россия и Иран (страницы мифической и достоверной истории) (И.В. Базиленко).....	139
VI. Россия и Афганистан (С.Е. Григорьев, Г.С. Харатишвили).....	175
VII. Россия и Китай (Н.А. Самойлов).....	217
VIII. Россия и Монголия в XVII — начале XX века (А.В. Попов).....	291
IX. Россия и Корея. (С.О. Курбанов).....	356
X. Россия и Япония (Н.Ю. Крайнюк, Н.А. Самойлов, А.В. Филиппов).....	384
XI. Россия и Сиам (Таиланд) (Б.Н. Мельниченко).....	428
Об авторах.....	452
Список сокращений.....	453

Учебное издание
РОССИЯ И ВОСТОК
Учебное пособие

Редактор *О.Е. Хованова*
Художественное оформление *Е.И. Егорова*

Лицензия ЛР № 040050 от 15.08.96.

Подписано в печать 15.12.2000. Формат 60×84^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,51.
Тираж 1000 экз. Заказ 257.

Издательство СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.

